

DIGITAL BOOK

НАДЕЖДА МАМАЕВА

НЕПРИЯТНОСТИ
ПО АЛГОРИТМУ

ИДДК

Надежда Николаевна Мамаева

Неприятности по алгоритму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9467481

Аннотация

Ты кадет училища, что на отшибе галактики, но на ежегодных гонках удалось обставить явного фаворита, выпускника летной академии, да еще после этого ославить неудачного соперника? Что ж, сама напросилась, жди крупных неприятностей, нарастающих словно снежный ком в заранее определенном судьбой алгоритме.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	61
Глава 3	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Надежда Мамаева

Неприятности по алгоритму

Пролог

*О пользе трагедий скажу я два слова:
На дно ты попал – и не жди уж иного,
Как с кровью, локтями, когтями, клыками
Карабкаться, падать, сгорать, словно пламя,
Что дорого было – терять безвозвратно
И знать – не вернуть уж былого обратно.
И, проходя по дороге проклятий,
Вбирать в себя силы охранных заклятий,
Тех, что помогут выстоять в битве;
Слов, что накроют охранной молитвой.
Ты станешь сильнее, взлетев, словно птица,
И невозможного сможешь добиться.*

– Сейчас я вживлю тебе три джей-ти-порта, – голос отца, склонившегося над инструментами, был надтреснутым от волнения. – Будет больно, ты потерпи. Так надо.

Оглянувшись на меня, сидящую в операционном кресле, он с неожиданной теплотой добавил:

– Это все, что я могу сделать, чтобы спасти тебя, доченька.

Так у тебя хотя бы будет шанс.

Кресло стерильно-белой палаты было велико для меня, девятилетней девочки. Да и запястье, не чета мужскому, оказалось слишком тонким для зажима, рассчитанного на совсем другой обхват. Но отец положил под локоть валик и резко стянул фиксаторы.

В глаза ударил яркий пучок света. То, что сейчас должно было со мной случиться, я видела не раз. Но тогда на этом месте сидели бывалые пилоты, изрядно повидавшие и пережившие на своем веку.

– Сначала я найду один из периферических нервов, что рядом с лучевой костью, а затем в пресинаптическую щель введу зонд с окончанием порта... – Описывая порядок действий при операции имплантинга, отец старался то ли отвлечь меня от тревожных мыслей, то ли успокоиться сам.

Обычно джейтишки вживляли пилотам, налетавшим не одну тысячу часов в военных рейдах. Только на опытных и перспективных правительство Земного Союза тратило дорогостоящие импланты.

Сам процесс вживления проходил весьма болезненно. Это со стороны казалось, что просто делают укол большой иглой, а затем на коже вместо следа от прокола остается выход JT-порта. Я видела, как кричали и дергались в конвульсиях те, кому приходилось побывать в кресле этой операционной. Половина из них, промучившись несколько месяцев от непреходящей боли, получали вердикт – отторжение им-

планта. С таким диагнозом долго на этом свете не задерживались.

Как-то раз я спросила папу: «Почему им не вколоть обезболивающее, чтобы пилоты так не мучились?» На детский вопрос отец как истинный ученый ответил предельно серьезно: «Тогда блокируются нервные окончания, и срастание порта с нервной системой человека становится невозможным».

Сейчас его руки слегка подрагивали, когда он вводил код на сенсорной панели дверцы сейфа.

– Пап, а почему мы, как все, не побежали, к люкам? – Я шмыгнула носом, вспоминая, как мы мчались через коридоры и боксы сюда, в лабораторию, в то время как все, наоборот, – в эвакуационные отсеки.

– Тэри, детка, слушай меня внимательно. Это была не учебная тревога, – голос отца стал предельно строгим и четким. – Через несколько часов базу атакует десант мирийцев. Они уже выдвинули свои требования, но наше командование не будет их выполнять...

– Откуда ты знаешь? – своим выкриком я перебила отца.

– Подожди, – папа старался быть терпеливым. – Сейчас идет эвакуация избранных... это дети из гражданских, зачисленные в Летную академию, и дети военных. Ты не относишься ни к одной из категорий... пока. Именно поэтому я хочу вживить тебе порты. С тремя JT тебя должны будут взять на корабль как перспективную. При входе покажи

правую руку с имплантами, этого должно быть достаточно. И... – отец резко выдохнул, как перед прыжком в пропасть, – постарайся вести себя как мальчик, хотя бы до того момента, пока не взлетите.

– Почему?

Просьба отца меня удивила. Хотя чаще всего на базе меня и так принимали за пацана: короткие каштановые вихры, вечно исцарапанные руки, разодранная в самых неожиданных местах одежда. Все это – результат драки с мальчишками моего возраста или кульбитов на опорной арматуре. Нет, я не была беспризорницей, и отец меня любил. Просто тяжело талантливому нейрохирургу, ученому, привыкшему к лаборатории в академии, подчиняться порядкам военной базы. А если у него еще имеется и шустрая дочурка, за которой нужен глаз да глаз...

В общем, предоставленная зачастую сама себе, я и так была вылитым мальчишкой, зачем притворяться-то? Но потом подумала, что раз спасать будут только детей военных, которым с рождения ставится особое тату на виске (а такового у меня нет и в помине), и гражданских, зачисленных в академию, среди которых только мальчишки семи-десяти лет, то просьба отца обретала смысл.

Таких, как я, на базе обреталось мало: лишь от безвыходной ситуации родители берут с собой детей на военные объекты. Да и тот факт, что наемные работники, каковым являлся мой отец, привозят с собой жен и детей, не приветство-

вался. О последнем папе и сообщил в весьма нелестной форме один из начальников медчасти. Но деваться было некуда.

Мама умерла, когда мне исполнилось восемь, – случайно разбилась кабина переноса, когда она ехала домой. Это случилось еще на Вилерне. После ее смерти отец резко осунулся и постарел... Нет, он не ронял скупую мужскую слезу, уткнувшись по ночам в подушку, но круги под глазами и седина, основательно запорошившая темные до того времени виски, стали напоминанием о ней – той, которую уже никогда не вернуть. Некоторое время мы жили еще на Вилерне, но потом проект отца перенесли на Микад – планетку, где из достопримечательностей значилась лишь военная база за номером 364S. Здесь отец занимался своими исследованиями, и если в этом была необходимость, проводил имплантацию, в том числе и JT-портов.

Свет немилосердно резал глаза, рука уже ощутимо затекла в неудобной позе, где-то завывала сирена тревоги. Было не просто страшно – жутко. Мне введут джейтишки. Впервые отец сделает мне больно, намеренно, хотя и из лучших побуждений, пытаясь тем самым дать шанс на спасение.

Папа был из тех родителей, которые считают, что рука отца не должна подниматься на ребенка. Поэтому, несмотря на все мои шалости и проказы, он ни разу не ударил меня, а лишь журил или пускался в пространные рассуждения о морали, поведении и этике, когда был недоволен очередной моей выходкой. Сначала, когда отец только сказал, что будет

имплантировать мне сразу три порта, я не поверила.

– Ты – самое ценное, что есть у меня в жизни, Тэри. Прости. – Слова давались отцу с трудом. В руках подрагивал инсайдер с готовым к имплантации портом. – Сейчас будет больно. Терпи. Обещай мне выжить и быть счастливой, ради меня, ради мамы... И... – Казалось, сейчас прозвучит самое важное. Но я услышала лишь странное напутствие: – Чтобы увидеть картину целиком, надо ослепнуть на один глаз. Запомни это.

Отец взял мою руку, обрабатывая антисептиком место введения иглы. Резкая боль, последовавшая за этим простым действием, была зверской. Ни до, ни после в своей жизни я не испытывала ничего и близко к тому, что пережила, сидя в этом белом кресле.

Комната поплыла в померкнувшем свете. Возникло ощущение, словно что-то рвет меня изнутри, хотелось, чтобы все это закончилось как можно быстрее, пусть даже смертью. Но вот постепенно боль спала, и тьма начала рассеиваться... Выяснилось, что все это время я лежала с открытыми глазами, хотя звуков пока еще не слышала.

Вот отец склонился надо мной, что-то говоря. Увидела, как шевелятся его губы, обеспокоенный взгляд скользит по моей руке... А потом он вновь взял мое запястье... Я думала, что больнее быть уже не может, но черный колодец агонии, в который я погрузилась, доказал обратное. Я летела в бездну страха огня, сжиравшего меня изнутри.

А за второй волной боли – еще одна яркая вспышка в сознании: это последний, третий имплант вошел в пресинаптическую щель между двумя нейронами.

Не знаю, как долго приходила в себя, но первое, что я увидела, – глаза отца, внимательные, полные отчаяния. Готова поклясться, он предпочел бы сам тысячу раз пережить все, что только что испытала я, лишь бы оградить меня от всего этого. Увы, чужую боль забрать себе еще никому не удавалось.

– Девочка моя, сможешь ли ты меня простить когда-нибудь?

Именно от этих слов меня накрыло понимание случившегося. Полное и абсолютное. На нас напали, смогут выжить лишь единицы, теперь и я в их числе, но не отец. Смотрю на него, единственного родного мне человека во всей Вселенной, и не могу поверить, что больше его не увижу.

Хочется закричать, ударить, сделать уже хотя бы что-нибудь, но я только смотрю... а потом перевожу взгляд на руку. На предплечье три порта – один стандартный и два модифицированных. Мечта и гордость всех пилотов Союза. Пропуск в элиту космических войск. То, что соединяет тебя с кораблем в единое целое, позволяя управлять им гораздо быстрее, прокладывая маршрут и рассчитывать точку выхода после гиперпрыжка, используя функции самого совершенного процессора – человеческого мозга – в разы эффективнее, чем при ручном управлении.

Теперь я могу стать симбионтом корабля, если выживу, конечно. Эти импланты должны были ввести трем отличившимся пилотам последней кампании Варрина...

– Нам надо торопиться. Ты все запомнила? – Отец хотел казаться собранным, но дрожь в голосе и суетливые движения выдавали его с головой.

– Да, папа, я выживу, чего бы мне это ни стоило.

Отец крепко обнял меня и помог встать с кресла.

Мы пошли, а затем и побежали к одному из ангаров, где находились истребители класса «Эйсиньи», достаточно маневренные, чтобы суметь уйти от обстрела, и в то же время способные вместить порядка ста человек. Таких кораблей на базе было всего три.

Как и все дети на базе, я разбиралась не только в типах и классах звездолетов, челноков, флаеров и планеров, но и мечтала поступить в одну из военных академий. А о чем еще мечтать, когда тебя окружают военные, разговоры – исключительно о боях и полетах, а самое распространенное чтение – Устав космического флота Союза? Но умом я понимала, что для меня это утопия. Девочек редко брали даже в захудалые летно-космические училища, обосновывая это тем, что женский организм хуже выдерживает перегрузки при гиперпрыжках и коротк-излучение, которым славятся пространственные проколы.

Отец подвел меня к последнему, еще не задраенному шлюзу корабля.

– Возьмите еще вот этого, – выдохнул он, толкая меня в спину. – Вылавливал его по всей базе с начала тревоги. Еле догнал.

– Имя, фамилия, звание родителей! – гаркнул суровый офицер, чье лицо украшал шрам от ожога, попутно загружая на экран голопроектора список имен.

– Он навряд ли есть в базе, этот ребенок – экспериментальный образец. У него три порта, все три прижились. Специально для Летной академии готовили.

Отец врал – кожа вокруг джейтишек была наращена искусственно, буквально пару минут назад.

– Не знаю, какой ненормальный отдал приказ имплантировать в ребенка ЭТО. Он же еще не знает, как штурвал держать, а его уже к ядрам микросхем напрямую подключать хотят...

Продолжить не дал отец:

– Этот мальчик – ценный образец. Наверное, самый ценный из всех. Вы обязаны его взять.

Папа говорил убежденно, настолько, что офицер засомневался.

– Ладно, давай, пацан, – он махнул рукой, – живо на борт. Надеюсь, проскочим.

Створки шлюза поползли друг к другу, и я в последний раз взглянула на отца. Он улыбался.

А спустя три часа по межгалактическому времени планета Микад перестала существовать. Все, кто остался на ней,

погибли за пару минут под обстрелом мирийцев.

Глава 1

В погоне за наглостью

*В жизни выбираем мы разные дороги,
Нам придется обитать разные пороги,
И смеяться, и грустить —
Каждый о своем,
С кем-то больше не делить
Хлеб, тепло и дом.
Разум нам сказал, как жить,
Сердце – всё пройдет!
Выбрал сам свой путь – иди,
Никого лишь не вини,
Что никто не ждет.*

Тэри Ли

Стоя в кабинете директора, я сверлила глазами пол. Старательно отыгрывала раскаяние, дабы владелец сих шикарных апартаментов (в углу между плинтусами, кстати, в паутине застряли две мухи-акселератки размером с полмизинца каждая) не усомнился: меня одолевают муки совести. Ну да, глупо попалась (а сожалела я именно об этом, а не о том, что взяла полетать без надлежащего разрешения новый флаер с усиленной гравитационной подвеской), но директору об этом знать не обязательно.

Меж тем Тонар Радвин продолжал свою пламенную речь, призванную усювестить меня:

– В кои-то веки наше училище оснастили современной техникой! С выходом для джей-ти-порта. И как раз накануне ежегодных гонок. Это единственный случай, когда министерство расщедрилось для нас на *целый и почти новый* флаер. И в первый же вечер я узнаю о том, что его угнали! И кто? Лучший кадет академии! Тэри Ли, вы осознаёте всю степень вины?

Я мысленно ехидно комментировала каждую фразу директора. Ну да, выделили аж целый флаер. Только не уточнили, что это драгстер – сверхбыстрый в квалификации и ненадежный в гонке. Такой после десятка кругов скатывается в хлам и дымит на обочине. Еще, как вариант, перед остановкой он может потерять управление и пару сотен метров нестись, как таракан от дихлофоса, сшибая все и вся на своем пути. Зато напротив названия нашего училища начальство из министерства смело может поставить галочку в графе «укомплектовано новейшим аэрокаром». А то, что для ежедневных тренировок курсантов целого потока такая машина не годится, – плевать.

– Осознаю, – протянула я, попытавшись добавить в голос как можно больше печали и покаяния.

Но, похоже, переиграла – директор сморщился, как от зубной боли.

«Не поверил, а жаль», – промелькнула вертхвост-

ка-мысль, которую тут же вытеснил неожиданный вопрос Тонара:

– И как флаер в деле?

Провокационно-заинтересованная интонация директора меня не насторожила.

– Машина – огонь! – оптимистично начала я (не уточняя при этом, что имела в виду проводку, которая искрит где только можно и где нельзя – тоже искрит). – Стартует плавно, – (ага, как беременная черепаха), – клапана не западают, – (потому как их нет), – работы цилиндров вообще не слышно, – (иногда они просто не работают, как ни желай обратного), – и такая резвая, – (по причине плохо работающих тормозов), – но зато инерционные гасители – отличные.

К слову, последний факт лично меня настораживал еще больше в свете предыдущих «заслуг» флаера.

Глаза Радвина заблестели, и директор, резко сменив тон, ухмыльнувшись, добавил:

– Небось через джей-ти соединялась?

О том, что у меня три джейтишных порта, знали немногие: директор, соседка по комнате и врач, который проводил ежегодные осмотры в училище. Правда, к последнему я попадала в лазарет и вне очереди, когда я умудрялась во что-то вляпаться своим «радаром приключений», или проще говоря – задницей, огребая на оную синяки и все, что идет в комплекте к ним.

Впрочем, и Радвин, и местный эскулап, и моя соседка

умели держать язык за зубами. Правда, Прит, та самая студентка (и моя подруга в одном лице), с которой мы делили комнату, – весьма ветренная особа. Но за десять лет умудрилась ни разу не проболтаться, что для нее – не просто подвиг, а высшая степень геройства.

Ах да, о моей маленькой не то чтобы тайне, а, так скажем, о «специфическом джейтишном дополнении» был в курсе еще и летный инструктор, но он дядька нелюдимый, предпочитал общаться в основном междометиями. На первом курсе мы думали, что его лексикон состоит только из многозначительных «кхм» и емких «ёпс!», которыми он оценивал результаты наших полетов на симуляторах. Позже уже узнала, что при сильном волнении этот молчун способен выдать нагора весьма многоэтажные фразы, однако для этого нужно было умудриться сломать симулятор боя.

К последнему я, как-то оставшись одна в тренажерном классе, по дури подсоединилась напрямую, через порт. Тогда-то симулятор и сгорел. Хотелось верить, что в тот раз железяка просто не выдержала могучей силы моей мысли. Но, похоже, я просто затребовала две несовместимые команды, отчего тренажер и скопытился.

Кстати, наличие этих самых портов и повлияло на мое распределение в училище: я стала единственной девушкой – военным пилотом. Не будь этих джейтишек, как и все нормальные особи женского пола, стала бы навигатором, в крайнем случае механиком. Но директор решил: раз есть при-

жившиеся JT, значит, само провидение велит мне быть пилотом и никак иначе.

– Вот в наказание и будешь участвовать в качестве пилота на предстоящей гонке, которая проводится среди выпускников академий и училищ космофлота, – отчеканил Радви. – И попробуй только не занять призовое место.

– Но кадеты ни одного из училищ никогда не выигрывали таких соревнований! Там представители летных академий всегда разыгрывали приз между собой. А мы так, для массовки. Все ведь знают, что студенты училищ в хвосте пыли гоняют каждый год!

Требование (а это отнюдь не просьба, а именно приказ!) стать одним из трех призеров гонки было невыполнимо. Однако директор проявил чудеса терпимости и пояснил:

– До этого мы выступали на побитых тренировочных флаерах с ручным управлением. Ты лучшая в выпускной группе и единственная, кто может подключиться к ядру управления присланного драгстера напрямую, минуя механику. У тебя будет скорость реакции в несколько раз быстрее, чем у остальных наших выпускников.

– А разве можно использовать порт в гонках? Я думала, все ездят на механике. – Сомнения еще были, но азарт, вызванный предстоящей возможностью испытать новый флаер, постепенно их вытеснил, как боевая машина пехоты – вооруженную мотыгами повстанческую армию аборигенов.

– А этого никто не запрещал. Просто у редких кадетов

есть джей-ти. Их обычно имплантируют после нескольких лет службы в космофлоте. Но я так подозреваю, что чемпионы последних трех гонок летают именно с использованием этого милого инородного тела, вшитого в предплечье. – Директор как будто почувствовал мои колебания и добил «контрольной» новостью: – А победитель получает право свободного распределения, даже если он обучался бюджетно.

Вот это, понимаю, стимул! Да я теперь ради этой победы готова рвать соперников ногтями и зубами, хотя и от плазмомета в подобном деле не откажусь. Это был шанс. Шанс уйти в гражданскую космическую авиацию, шанс на спокойную жизнь, где не нужно подниматься по тревоге и постоянно быть готовой не вернуться из очередного вылета.

Не смотреть, как гибнут твои товарищи, зная, что ты всего лишь расходный материал, пушечное мясо для выпускников академий – этой гребаной военной элиты. Нам же, растиражированным выкидышам училищ, выбора распределения не давали – мы бюджетники, и этим все сказано. Поэтому ради такого приза стоит побороться за победу.

По блеску в глазах Радвина я поняла, что этот хитрый амбициозный проныра, который с виду казался эдаким солидным добряком, весь разговор и выволочку у себя в кабинете затеял отнюдь не с воспитательной целью. Нет, директор желал добиться не просто моего согласия на участие в гонках, а простимулировать так, чтобы я из кожи вон вылезла, но победила. Потому как приказ, будь он трижды мудрым,

будет выполняться без энтузиазма, если для исполнителя не существует личной выгоды.

В общем, Тонар в очередной раз подтвердил, что он отличный манипулятор, да и руководитель тоже. Он понимал, что победа принесет не только престиж нашему малоизвестному, а если совсем уж честно – безызвестному, училищу, но и денежные вливания. А риск остаться калекой по итогам гонок или вовсе не вылезти из кабины драгстара?.. В бою рано или поздно большинство выпускников училищ погибают, и если есть возможность избежать этой участи – цена ее вполне оправдана.

– Итак, отправляемся через неделю. С тобой полетят механик, навигатор и я.

– А кто будет этими самыми механиком и навигатором? – решила любопытствовать.

– Навигатор – Прит Лорстон, механик – Максим Матвеев. Думаю, с Прит ты хорошо знакома, – Радвин хитро прищурился, – да и Максима наверняка знаешь.

Мысленно потеряла ладошки. Макс Матвеев – невысокий, худощавый, юркий парнишка с параллельного потока – умудрялся быть затычкой в каждой пробойне и знатным разгильдяем, но при этом такое ощущение, что родился с мультифазной отверткой в руках. Он мог, всего лишь постучав по борту флаера, сказать, сколько раз тот был в столкновениях, что у него барахлит и где нужно заменить испорченную деталь. Лучшего механика среди выпускников и вправду не

найти. Меж тем директор, как бы подводя итог разговору, весоמו добавил:

– В этом году гонки будут проходить на Земле. Последний победитель – представитель Академии Бореа, что как раз расположена на голубой планете.

Чертыхнулась про себя, недобрым словом помянув Землю. С этой планетой у меня в далеком прошлом была нелюбовь, как подозреваю, взаимная. Хотя знакомство с прародиной длилось всего пару часов, когда я прилетела вместе с отцом на его симпозиум, но впечатление о том, что побывала среди переработанных и красиво упакованных отходов, осталось на всю жизнь.

Колыбель человечества встретила нас совсем не по-матерински: зноем, смогом над космопортом и зелеными стеклопластиковыми колоннами высотой в две сотни этажей. Помню, как увидела их впервые, шестилетней девчужкой: гигантские колбы, внутри которых вода и одноклеточные водоросли, придающие жидкости такой цвет. Их построили полсотни лет назад для поддержания кислородного баланса в атмосфере, заменив газоны, парки и скверы в городах.

Впрочем, и вне городов земля была достаточно ценной, чтобы использовать ее для архаичного сельского хозяйства. Основная часть продовольствия выращивалась на аграрных планетах-колониях и поставлялось на Землю. Лишь в океане еще существовали подводные плантации, где работали аквафермеры. Только пустыни, малопригодные для чего-ли-

бо, радовали глаз своим спокойствием и непричастностью к суетному миру. Но и до них периодически добиралось правительство Земли, обремененное проблемой перенаселения. Вот и сейчас гонку среди выпускников академий и летных училищ решили провести в одной из самых жарких точек голубой планеты.

Результат такого постановления – сотня злых, потных пилотов в комбинезонах и подшлемниках, стоящих рядом с флаерами у предстартовой черты.

Вокруг лежала пустыня, где горячие ветра, словно демоны, кружили в inferнальном и замораживающем танце, рождая на песке затейливые узоры. Лишь на горизонте едва виднелся силуэт одинокой горы, увенчанный белой шапкой ледника.

Гонки на флаерах – ежегодное соревнование, проводимое между лучшими пилотами-выпускниками, призванное поднять престиж и боевой дух будущих военных. По мне, это очередная показуха, где большинство мест уже распределено, а от преждевременного восхваления выпестованной выпускной элиты хочется сплюнуть. Я так бы и сделала, забыв про маску, но тут в движение пришла толпа болельщиков, вернее, болельщиц.

– Это же Браен Дранго!

– Такой красавчик!

– Браен, я вся твоя!

– Он лучший пилот Академии Земли!

И прочая и прочая... Выкрики экзальтированных девиц, машущих руками и флажками (вдалеке гордым знаменем реял даже чей-то лифчик), раздражали. Но тут раздался голос Прит.

– Вот это мужчина! – зачарованно прошептала подруга – Да за такими, как этот Браен, как за классными машинами, – всегда очередь...

– ...в кассах станций техобслуживания, – закончила я за Прит. – С виду ничего, но в работе то движок забарахлит, то тормоза откажут.

Однако заявление навигатора заставило проявить интерес к пилоту, который одним своим появлением произвел такой фурор.

Но сначала мельком глянула на Прит. Затуманенный взор высокой, стройной, рыжей бестии, слегка приоткрытый рот и идиотская улыбка на лице могли значить только одно – подруга поплыла! Я удостоила вниманием этого самого Браена.

Высокий, скорее интересный, нежели красивый. Широкий лоб, прямой, чуть удлиненный, нос с легкой горбинкой, большие серо-голубые глаза, волосы цвета, который поэты величают «разбавленным золотом» (у меня он почему-то прочно ассоциировался с латунными клеммами), правый уголок очерченных губ чуть приподнят в довольной ухмылке победителя. Типичный альфа-самец, или попросту бабник, хоть и породистый! Я пожалала плечами: странный вкус у Прит. И не только у нее, судя по экзальтированным

девичьим воплям. И почему все сходят с ума?

Похоже, последнюю фразу я произнесла вслух, потому как Макс, наш механик, хмыкнул и поддержал меня, щелкнув пальцами перед носом Прит, все еще витавшей в облаках:

– Эй, нашей команде навигатор нужен, а не лужа сиропы! Кончай плавать кролем в мире фантазий и включай голову. Он – наш соперник. Главный соперник.

За эту короткую отповедь я была благодарна механику. Подруга, кажется, все-таки взяла себя в руки и начала комментировать трассу, которую предстояло пройти:

– Сначала выстави гравитационную подушку на средние значения, а через сотню километров увеличь до максимума: там будет здорово трясти. Это из-за того, что под тонким слоем песка – выходы материнских горных пород. На подходе к горе лучше использовать маневр два и два или браво-шесть. Уклон трассы... – в подобном режиме Прит могла вещать до бесконечности.

Единственное «но»: в реальной гонке может выйти все с точностью да наоборот. Я несколько раз проходила сегодняшнюю трассу на симуляторе, чтобы запомнить, но там не было кучи соперников.

Прозвучал сигнал. Пора выстраиваться у стартовой черты. Подруга дала последние наставления, после чего мы с ней синхронно нацепили аудиоклипы и проверили сигнал.

Макс в очередной раз убедился, что дисковые регуляторы на соплах сняты, и, наклонившись так, что едва не перева-

лился всем телом внутрь кабины, произнес:

– Осторожнее там. Если флаер врежется во что-то на такой скорости, то наверняка останешься калекой при условии, что ты на механике. При прямом подключении вмиг стораает вся нервная система. Так что береги себя, очень тебя прошу.

Больше он ничего не сказал, просто оттолкнулся, спрыгнул на землю и, развернувшись, пошел к Прит. Да уж, напутствие... Интересно, он знает про порты? Размышлять по этому поводу времени не было.

Взмах сигнальным флажком, и гонка началась.

Едва мы рванули с места, навигатор и подруга в одном лице, вцепившись обеими руками в поляризационный экран, четко и спокойно, как ей казалось, начала давать наставления.

В гонке навигатору иногда приходится доверять больше, чем себе. Потому как он – твои глаза и уши. Ему видна вся трасса целиком, как и моментально меняющиеся позиции соперников. Именно навигатор может оценить и предупредить, где нужно сбросить обороты, если впереди произошло столкновение, когда войти в занос на повороте или выжать из движка максимум чуть прежде, чем придут бортовые данные: «Впереди прямой участок, есть возможность для обгона».

Я стартовала одной из последних. Но все только началось. Нам предстояло пройти две тысячи километров, овечьих

неторопливым дыханием барханов.

Когда через порт соединилась с ядром управления, то стала воспринимать действительность абсолютно по-другому. Просто закрыла глаза – зрение было ни к чему, скорее даже отвлекало. Показания датчиков гравитационных сенсоров, энергия активации турбин, данные инерционных гасителей – все это я осознала за доли секунды. В это же время мозг обрабатывал сигналы о направлении, перемещении, ускорении, угле наклона.

Извне звучал лишь голос Прит – очередная отрывистая команда: «Прижми закрылки и еще одну восьмую мощности – на левый майкер!»

Первую десятку удалось перепрыгнуть легко, маневрируя то по внешней, то по внутренней стороне трассы, но чем ближе подбиралась к лидерам заезда, тем сложнее становилось обходить соперников. При заходе на очередной вираж задела крылом – не сильно, оторвалась лишь камера, что крепилась к краю подкрылка, но тело ощутимо дернуло. Второму участнику столкновения повезло меньше – занесло и впечатало в бархан, оторвав сопло. Если этот пилот на механике, то должен бы уже выскочить, однако створки кабины раскрывались столь же быстро, как глаза у пропойцы наутро после очередного загула.

Вот гадство! Они тут все на портах, что ли?

Последнюю сотню километров я дышала в хвост этой фабрике тестостерона – Браену! И ведь не пропускал ни справа,

ни слева, ни сверху, сволочь элитная, академическая! Озарение, курсировавшее у меня не иначе как в районе пятой точки, решило достичь-таки головы: а если попробовать проскочить снизу?

– Прит, какова толщина его гравитационной подушки и мои габариты? – зашипела остервенело в динамик.

Навигатор, как и я, видела трехмерную картинку с камер, только на сенсорной платформе.

– У вас разница в пару сантиметров.

– В чью пользу? – Идея, родившаяся в мозгу, – сродни экзотическому способу самоубийства. Но соперник не ожидает такой наглости. Поэтому есть шанс проскочить у него под пузом.

– Твою ж... Тэри, суицидница фигова!

Иногда плохо, что тебя понимают с полуслова. Нет чтобы ободрить, прочувственную речь толкнуть, какая я замечательная и что все у меня получится...

Не слушая больше «жизнеутверждающих» наставлений Прит, я свела гравитационную подушку практически в ноль и увеличила энергию активации турбин до сотки.

Перегрузка тут же возвестила о себе феерией замыканий. Через порт меня мгновенно окатило волной боли. Движок застучал, решив присоединиться к вакханалии проводки. Сопла остервенело плюнули черным дымом.

Инстинкт самосохранения орал благим матом. Если я хочу остаться в живых, нужно выдрать джейтишку из порта,

постараться затормозить и сигануть из флаера. В противном случае у меня превосходные шансы (я бы даже сказала, практически стопроцентные) превратиться в качественно прожаренный стальной пирожок с мясной начинкой из себя любимой внутри.

Но здравый смысл и упрямство – это даже не враги, а стороны, ждущие, которая из них уступит первой. И потому-то логика и упорство вечно конфликтуют. В моем случае к исконной ослиной черте характера добавился азарт. Шипя от боли, я снизила флаер настолько, что просвета между днищем и песком практически не осталось, и приготовилась к бароперегрузке.

В последний момент удалось проскочить под брюхом машины Браена. У финишной черты я опередила его кар всего на четверть корпуса. После того как увидела взмах клетчатого флага, знаменующий конец гонки, еще не до конца затормозив, вырвала шину из порта. Сразу стало легче, и пришло осознание: надо срочно выбираться из этой шайтан-машины, которая дымила не хуже горячей цистерны с дизельным топливом. Впрочем, прорывавшиеся языки пламени навели и на более художественные сравнения, – например, с мифическим трехголовым ящером Гошей. Драконью романтику разбавляли сочные матюги пожарных, которые щедро опыляли мой флаер порошком, сбивая огонь.

Когда чуть позже я увидела запись того, как мы финишировали, мне стало жутко. Но это было потом, а пока... Выле-

зая из флаера, я не могла осознать, что сделала это. Я победила! На шее тут же повисла Прит, что-то радостно вереща. Макс сдержанно обнял за плечи и практически прошептал в ухо: «Больше так не пугай!» – а я, сорвав шлем, с облегчением выдохнула через подшлемник.

Идиллию нарушил окрик:

– Ты что творишь, сукин сын! Как тебе наглости хватило!

Расталкивая толпу, ко мне приближалась ожившая мечта Прит. Хотя, глядя на перекошенное злостью лицо этого блондинистого недопобедителя, я еще раз усомнилась в адекватности вкуса подруги.

Для фаворита этой гонки, кадета Академии Бореа Браена Дранго, второе место было сродни кактусу в заднице: больно, самому не избавиться, а твое неудобство видят все. И он этого своего недовольства ничуть не собирался скрывать.

Браен Дранго

Браен жутко злился. Его, лидера гонки, обставил какой-то заморыщ, выскочка. Дранго – лучший пилот академии, не проигравший ни одной гонки за последние пять лет! Откуда только вылез этот хлюпик?

Увидев эмблему училища Уара Флокрискрика, Браен разозлился. Зачуханное летное! Да у них флаеров нормальных никогда не было, где они взяли пилота с JT-портом? А в том, что у этого мелкого есть джейтишка, сомнений нет.

Невозможно так сманеврировать на механике.

Сколько лет пацану? В училище цикл обучения длится десять лет, значит, не больше двадцати. В таком возрасте джейтешки не имплантируют. Ему и то ввели порт в двадцать пять, благо обучение в академии длится на семь лет больше, чем в этой убогой космоходке.

К слову, разница в сроках обучения студентов училищ и академий позволяла директорам последних выставлять в заезд заведомо более опытных пилотов. Браен был уверен: с имплантами будет всего трое. Следовательно, училище Уара Флокрискрика просто наняло кого-то из нелегальных пилотов. Либо это кто-то из преподавателей. Хотя с виду такой слабак... Дранго вознамерился разобраться. Но вытрясти всю правду не получилось.

Сначала под руку попала парочка поклонниц, потом – кто-то из организаторов. Уже на подходе дорогу заступил худощавый парень, из категории настолько юрких и ушлых даже на вид, что когда стоишь рядом с такими, рука сама по неволе тянется к карману.

– У тебя проблемы? – Браена остановил голос, полный неприкрытого раздражения.

Судя по форме, парень – механик того же долбаного училища, что и обставивший его пилот.

– Это у вас проблемы. Ваш пилот не является кадетом. – Браен старался сдерживаться, цедя слова, словно гюрза – яд: с неохотой и огромным желанием как следует цапнуть неза-

дачливого змеелова.

– Почему ты так решил? – в милую словесно-локальную заварушку вклинился обставивший его пацан.

– Сколько тебе лет? – вскипел Браен, тут же переключая свое внимание на бывшего соперника

– Девятнадцать.

Лаконичный ответ заставил Дранго посмотреть с еще большим недоверием на мальчика и озвучить свои сомнения:

– Девятнадцать и уже с портом?

Пацан пожал плечами и задрал рукав куртки – на предплечье в ряд красовались три разъема. После чего опустил рукав и, не глядя на удивленное лицо Браена, развернулся и пошел прочь, в сторону подиумов, где должно было состояться награждение. Дранго зло сплюнул, понимая, что придраться пока не к чему, и двинулся следом за наглецом.

Тэри Ли

На награждении я стояла первой, поэтому увидеть перекошенные от счастья лица соперников мне не довелось. Браен дышал за правым плечом и с таким энтузиазмом махал рукой, что мне пару раз перепало по шее и один раз – по макушке, якобы случайно. Подозреваю, что отсутствие контузии – целиком и полностью заслуга здорового венка, водруженного каждому из победителей на шею. Эта икебана объемом ничуть не уступала валику из одеяла. Из водружен-

ной на меня клумбы, которая удавкой обвивала шею, торчала только моя взлохмаченная каштановая макушка, а брови как раз были вровень с некоторыми веточками из венка.

Чувствовала я себя при этом как снайпер в засаде: вокруг зеленка, в смысле растительность, видно плохо, в роли спецкамуфляжа веник, завернутый в кольцо. Тяжелый, кстати, зараза, он ощутимо тянул к земле. Но никуда не денешься. Надо терпеливо стоять и ждать, пока вручат кубок и поздравят с победой. Подозреваю, что не сними я подшлемник, этого никто бы и не заметил – настолько хорошо было спрятано лицо в этих веточках с кучей лаврушки, навевающих стойкую ассоциацию с супом из столовой.

Наконец распорядитель, сверяясь с данными поляризованного экрана, начал:

– В этом году впервые в истории гонок, проводимых между выпускниками летних учебных заведений, победу одержал представитель училища имени Уара Флокрискрика – Тэриадора Лирой... – Распорядитель замялся и, вероятно решив, что в данные закралась ошибка, поспешил исправить: – Простите – Тэриадор Лирой.

«Ну, Тэриадор так Тэриадор», – философски подумала я. За десять лет обучения меня полными именем и фамилией обзывали только в официальных документах, больше прижилось сокращение Тэри Ли.

Справедливости ради стоит отметить, что сокращение фамилий вошло в моду после того, как на Вилерне часты-

ми стали фамилии, напоминавшие скорее названия промышленных предприятий типа «Вилэнерготранстехконсалт-стройсервис». Поэтому всяких Евантирофисторчовых, Имбаореявистигревых и тому подобных решено было сократить хотя бы до произносимых. Мода на упрощение настолько прижилась, что и нормальные фамилии повадились сокращать даже во внутриведомственных документах.

Меж тем зазвучали фанфары, и все мы получили возможность лицезреть дефиле кубка, придатком к которому служила симпатичная модель, имевшая явно суицидальные наклонности, не иначе. Потому как при росте не меньше метра девяноста эта красотка нацепила еще и туфли на платформе. А каблуки ее «черевичек» были настолько высоки, что я никак не могла точно сказать, сколько же в них дециметров. Да... нося такие туфельки, нужно обязательно иметь знакомого травматолога.

Несмотря на то что я стояла на пьедестале, высота которого была никак не ниже метра, с подошедшей девицей мы оказались примерно на одном уровне. Изобразив оскал, мимикрирующий под лучезарную улыбку, она вручила мне здоровущий кубок. Эта нехилая орясина, напоминавшая пробник ванны, чуть не послужила причиной моего падения. Пришлось пристроить трофей на краешек постамента под ехидные смешки из толпы. Красотка, обделенная моим вниманием, недовольно фыркнув, развернулась и потопала обратно под восхищенные охи и вздохи зрителей.

Как правильно брать кубок, я узнала на примере Браена: приобняв вторую модель пониже талии, он ее поцеловал. Кстати, каблуки у нее были чуть пониже, и она оказалась аккурат вровень с Дранго. У меня закралась крамольная мысль: специально организаторы, что ли, подгоняют высоту каблучков и девиц под размер тумб?

Глядя на то, как Дранго приобнимет красотку, вручившую награду, я утешила себя тем, что целовать и тискать этих гламурных моделей я бы все равно не стала. Даже если бы знала, что так положено по ритуалу награждения.

Но надо сказать, что жест Браена возымел успех у публики, и толпа азартно скандировала его имя. Что ж, в конкурсе по получению наград он явно был в фаворе. Третий финалист, последовав примеру Браена, приобнял «свою» модельку. И как непринужденно это сделал! Черт, они это движение специально тренируют у себя в академии, что ли?

Наконец мы спустились с пьедестала. Да, лучше бы я не слезала... Стоило очутиться на земле рядом с блондином, моя макушка оказалась как раз на уровне его подбородка. Похоже, после вручения кубков красавчик немного остыл, потому как уже не порывался прибить меня, а лишь с издевкой произнес:

– И как такое недоразумение могло победить?

Я не стала отвечать на эту реплику, а развернувшись, попыталась уйти. Но, не видя ничего из-за кустов, вольготно обвивающих мою шею, не разглядела подножки и растяну-

лась бы, не подоспей вовремя Прит. Она-то в последний момент и успела ухватить меня за локоть.

– Пойдем отсюда! – прошипела в ухо подруга.

Выбравшись из толпы, окружившей Браена (и неважно, что у него только второе место, он, как я поняла, является местным секс-символом с армией фанаток), я сняла злополучную зелень с шеи.

– Нужно отдохнуть и подготовиться к вечеринке. – Прит была сама деловитость. И вдруг она неожиданно добавила: – Этот Браен, хоть и красавчик, та еще задница.

Что ж, вот теперь я за вкус своей подруги абсолютно спокойна.

Спустя три часа, две попытки шантажа и шесть бутербродов, стрессанных мною единолично, мы с Прит принялись готовиться к торжественному вечеру по случаю завершения ежегодных межгалактических гонок.

Я лежала на кровати в позе морской звезды и рефлексировала, а рядом со мной чемодан фонтанировал вечерними платьями. Двигателем сего феерического действия выступала Прит. Каждый новый наряд сопровождался комментариями:

– Эх... какое платье!.. И главное, всего полгода назад оно было мне тютелька в тютельку!..

– Ну да, а потом твои тютельки немного подросли, и оно стало уж слишком откровенным, – отозвалась наконец я. – Слушай, Прит, зачем ты взяла этот ворох тряпья? Нельзя было ограничиться чем-то одним?

– Понимаешь... – Девушка замялась. Подозреваю, искала весомый аргумент. – Я не смогла выбрать перед отлетом, какое лучше, и решила взять все.

Прит – замечательная подруга и соседка по комнате, правда, есть у нее пара недостатков, один из которых – чрезмерная любовь к одежде. Причем она умудряется на небольшую сумму выглядеть сногшибательно. Прит из небогатой семьи, но обучается платно, поэтому может выбирать, куда идти по окончании училища, в космофлот или в гражданскую космическую авиацию. Но, думаю, что и первого, и второго варианта при своей внешности она может избежать. Шикарная рыжая бестия, вслед которой выворачивают шеи все носители Y-хромосомы в возрасте от семи до ста пятидесяти лет просто не должна прозябать на службе.

Прит в свои двадцать уже отказала нескольким претендентам на брачную татуировку. И полагаю, это только начало.

– К тому же, – продолжала подруга, – вечеринка – это самая главная часть гонок. Я, может, ради этого и согласилась протащиться через три галактики. А ты, кстати, в чем пойдешь?

– Как и все пилоты – в футболке, джинсах и кроссовках. Если честно, отвечала наобум – идти совсем не хотелось. После недолгой эйфории по поводу победы накатила усталость.

– Так дело не пойдет! – Прит, словно камера штурмовика,

установилась на меня. На миг показалось, что она сканирует мои метрические данные. – Давай ты наденешь вот это платье и я над тобой чуток поколдую?

Я затравленно огляделась. Но ни чемодан, ни живописно разбросанные платья за меня не вступились. Пришлось сдаться на милость кровожадной подруги.

– Делай что хочешь, а я сплю. – С этими словами я откинулась на спинку кресла.

Прит начала расчесывать мне волосы, напевая модный хит: «По улицам Вилерны, где плещут берации и фаргусы пышно цветут, блондинка гламурная шла с липосакции с дырочкой в правом боку...» – и под ее мурлыканье я уснула.

– Ну все, просыпайся, пилот! – Прит потрясла меня за плечо. – Ты только посмотри, какую красотку я из тебя сделала! Надевай платье, туфли и пойдем, время уже.

Натянув вышеуказанное, я остановилась у зеркала. А ничего так получилось. из отражения на меня смотрела обычная симпатичная девушка, каких полным-полно. Какой-то особой, неземной красоты не наблюдалось: просто ладная фигурка, приятные черты лица, умело подчеркнутые косметикой, и уложенные в художественном беспорядке каштановые локоны. Вот только платья на мне было чересчур мало. Про такое наша уборщица из училища, баба Шунта, обычно говорила: «Подол из подмышек начинается». Черный наряд с открытыми плечами, облегающий, словно вторая кожа, едва прикрывал ту часть тела, которая как магнит притяги-

вает приключения. Зато ноги, возвышавшиеся на пятнадцатисантиметровой шпильке, казались невероятно длинными. Образ довершали черные перчатки по локоть, скрывавшие джейтишник на правой руке.

Прит же, как всегда, была непозволительно великолепна. Распущенные волосы, карминовое платье в пол с вырезом на спине почти до самых ягодиц и таким же смелым разрезом подола практически от бедра. Довершали образ роковой рыжей красавицы каблук недостижимой высоты.

Когда мы зашли за Максом, тот остолбенел.

– Проводишь нас, таких прекрасных, на вечеринку? – кокетливо хлопая ресницами, спросила Прит.

Она флиртовала, даже не задумываясь над тем, что делает. Так сказать, доводила до совершенства навык соблазнения. Водилась у нее такая привычка. Как-то раз, когда она строила глазки какому-то замшелому пеньку, с которым мы по случайности ехали в одной капсуле, я не выдержала и поинтересовалась, чем она занимается. На это Прит недоуменно ответила, что просто оттачивает навыки молчаливой беседы, то есть стрельбы глазами, и делает это не с какой-либо корыстной целью, а из любви к искусству.

Макс сглотнул и, кивнув, молча предложил мне руку.

На подходе к залу, где должно было состояться празднование, я поняла, откуда пошла традиция поддерживать мамзелей всех возрастов под руку: на высоких каблуках гораздо легче навернуться на ровном паркете, нежели в кроссовках

– на крутой и скользкой крыше.

– Как тебе? – осведомилась Прит, когда мы втроем замерли у входа.

– Что бы такое сказать, чтобы из цензурного были не только запятые? Хреново...

Мой честный ответ удивил Макса. Подруга же, привыкшая к моим емким и кратким оценкам ситуаций, лишь удовлетворенно хмыкнула.

Зал бурлил и сверкал, ассоциируясь лично у меня с ядреным японским хреном или перцем чили, потому как поневоле глаза начинало щипать от яркости и пестроты нарядов. Девушки щеголяли иногда в столь откровенных платьях, что я по сравнению с ними была послушницей монашеского ордена. Парни выглядели гораздо скромнее и проще, хотя взгляд нет-нет да и цеплялся за некоторых весьма экстравагантных (шорты поверх цветных колготок или строгий пиджак в сочетании с юбкой а-ля папуас) представителей условно сильной половины человечества.

Удивившись причудам земной моды, я еще раз пробежалась взглядом по залу, выискивая место, где бы можно спокойно пересидеть этот вечер.

Внимание привлекла группа парней и девушек. В центре компании находился не кто иной, как Браен, в белой рубашке с расстегнутой парой верхних пуговиц и джинсах. Одну руку он запустил в слегка растрепанные волосы, доходившие ему до плеч, а второй приобнимал очередную красот-

ку, при этом довольно ухмыляясь. Парни о чем-то спрашивали Дранго, тот лениво отвечал. Казалось бы, обычная беседа обычных парней, но их выправка сразу говорила о том, что это не абы кто, а кадеты. Присмотревшись, поняла, что практически все молодые люди в зале (не считая попугаистых чудиков) – военные, а вот девушки, наоборот, напоминали дам полусвета. Это неприятно поразило и насторожило.

Мое выражение лица удивило подругу, и она спросила, в чем дело. Пояснив, что беспокоюсь о том, как бы нас не приняли за девиц, не отягощенных высокой моралью, я весьма удивилась реакции Прит.

– Тэри, в кои-то веки можно расслабиться! В нас никто не заподозрит кадетов училища, можно оторваться как следует! Ты же не хочешь упустить такую возможность?

Тараканы в мозгу радостно скандировали лозунг: «А почему бы и нет?!»

Один из организаторов гонок, взобравшись на трибуну, толкнул короткую (и оттого понравившуюся всем без исключения) речь, и вечеринка началась. Новый кислотный микс, запущенный с вертушки диджеем, сумел завести толпу, и теперь большинство экзальтированно прыгали под свежий хит. Макс пригласил меня. Пара танцев, сдобренных изрядной порцией коктейлей, сделали свое дело. Я уже чувствовала себя, как та пресловутая мышка, что после третьей рюмки решила набить морду коту. В голове начала зарождаться идея мести.

– Подруга, какие планы? – подскочила ко мне Прит.

Приближаясь ко мне, она виртуозно отшла очередного приставучего кавалера, а после мастерски вписалась в узкую щель между двумя амбалами, которые разом решили заключить ветреную красотку в свои медвежьи объятия. Глаза ее азартно блестели.

– Думаю немного подождать, пока все раскачаются, а кое-кто дойдет до кондиции, – я кивнула в сторону Браена. – Потом мне понадобится твоя помощь. Ты же у нас спец по соблазнению, – незамысловато попробовала подольститься к подруге и, наклонившись, начала нашептывать на ухо задуманное.

Прит согласно кивнула.

– Проучим эту заразу! – воодушевилась она.

Неужели и ее достала зашкаливающая самоуверенность блондинистого красавчика? Прит лишь весело подмигнула:

– Ну а пока пошли танцевать!

Подруга знала мою давнюю даже не любовь, а страсть к танцам. В ритме музыки, отдаваясь ей до конца, можно рассказать целую историю одним взмахом руки. Заставить чувствовать окружающих то же, что и ты, без слов, лишь рисуя образ из штрихов-движений.

Сейчас, танцую, я словно погружалась в нирвану, растворялась в звуках. Прит изображала бедрами что-то невероятно эротичное рядом. Вокруг нас образовался небольшой круг, и тут чьи-то руки ненавязчиво легли мне на талию, вы-

дернув тем самым из приятной неги. Я едва рефлексивно не схватила запястье, чтобы заломить наглуую хваталку неожиданному кавалеру. Ибо не фиг распускать лапы! Вовремя мелькнувшая мысль о том, что я сегодня все же девочка и все же не стоит затевать скандал с применением болевых приемов, заставила сдержаться. Мысленно подготовила ответ, способный отшить незадачливого ухажера, и, не подумав, развернулась лицом к любителю сначала трогать и только потом говорить. Зря. Я сразу же уперлась в грудь мужчины. Подняв взгляд выше, увидела... вот битый пиксель! Это был Браен. Пришлось резко прикусить язык.

– А ты горячая штучка. Так страстно и соблазнительно танцуешь! – Чуть хриловатый голос должен был по задумке обладателя если не вскружить мне голову, то очаровать.

Однако в памяти застрял злой взгляд блондинистого гада, которым он меня наградил сразу же после гонок. Ну погоди, паразит академический, я тебе устрою. Отомщу за спесь и высокомерие, как это умеем делать только мы, женщины.

Потому я лишь улыбнулась, спрятав гнев под маской восхищения. Глупо улыбнулась. Пусть этот Дранго думает, что все идет, как он того и ожидает.

– Пошли за наш столик, – он кивнул в сторону. – Сегодня отмечаем мою победу в гонке. Ты ведь наверняка еще ни разу не была в компании настоящих победителей?

Не дожидаясь моего согласия, кадет потянул меня за руку в указанном направлении. Я подивилась степени самоуве-

ренности этой белобрысой сволочи: он исключает даже намек на сопротивление!

«Придурок, ты сейчас тащишь на буксире того, кто сделал тебя в этих самых гонках», – злорадно усмехнулась про себя. Но затылок Браена сверхчувствительностью не отличался.

Познакомив меня с друзьями, угостив парой коктейлей и отпустив несколько комплиментов, блондинистый засранец посчитал свою миссию соблазнителя выполненной и ненавязчиво стал приподнимать подол и так не сильно длинного платья, прощупывая почву для дальнейших маневров. Действовал он при этом не как будущий офицер космического флота, а скорее как геолог: сначала разведка и зондирование, потом, в перспективе, – бурение.

В это время я отчаянно попыталась привлечь внимание Прит, увлеченно с кем-то болтающей. Grimасами и жестами я пыталась намекнуть ей, что план мести слегка изменился и мы поменялись ролями. Подруга заметила предназначенную ей пантомиму, когда свидетели моих актерских потуг уже не сдержались от улыбок и смешков. Она что-то проворковала поклоннику на ушко и, распрощавшись с ним, понимающе кивнула мне.

– Не хочешь уединиться? – голос Браена слегка охрип.

Его зрачки расширились, дыхание участилось, рука на моем колене и вовсе будто прописалась. Понятно, красавчик решил, не теряя времени даром, со всей ответственностью заняться решением демографического вопроса. А точнее,

приступит к самой приятной его части – зачатию.

– С удовольствием! – Я соблазнительно улыбнулась, про себя предвкушая месть. Этот атлет сам сделал все в лучшем виде, даже ухищряться не пришлось. – Только одно условие. Я хочу, чтобы ты в ходе нашей игры был с завязанными глазами.

Видя сомнение на лице блондина, я чуть не взвыла от досады. У-у-у, какой недоверчивый! Стоит его немножко подразнить. Провокационно провела языком по верхней губе. Жест, позаимствованный у героини одного из фильмов, что мы с Прит смотрели по голопроектору, возымел действие.

– Люблю девушек с выдумкой, – Браен усмехнулся в ответ.

Похоже, на мужиков волна тестостерона действует не хуже пули: так же вышибает напрочь мозги, а вместе с ними и осторожность. Браен был полон предвкушения. Что ж, это мне на руку.

Встав, я направилась к выходу, не сомневаясь, что блондин, чьи намерения в отношении одной темноволосой девицы сейчас были тверды как никогда, последует за мной. Выйдя из зала, красавчик спросил:

– Ну и чем ты будешь завязывать мне глаза?

Улыбаясь, плавным движением стянула левую перчатку:

– Давай, чемпион, ты же ничего не боишься. Я знаю, где здесь есть укромное место... Только не подсматривай.

Завязав ему глаза перчаткой, что закрывала до этого мою

кисть и предплечье (слава безразмерному полинейлону), повела к черному входу, ведущему прямиком на сцену.

Похоже, Браен был на кураже и в предвкушении, да и выпил, поэтому чувствовал себя в полной безопасности. Зря!

За что ценю Прит – если она берется за дело, то делает его качественно. Вот и сейчас, пока мы блуждали по кулуарам, подруга сотворила почти невозможное – музыка смолкла, и зал встретил нас гробовой тишиной. Сотни пар глаз устремились на сцену, где были приглушены диодные софиты.

– Ну, давай же, мы уже почти на месте! – нежно мурлыкая Браену на ухо, я провела пальцем по его шее от мочки к ключице. – Раздевайся, а я сейчас.

Дабы поддержать порыв, даже расстегнула остатки пуговиц на его рубашке.

Да... как-то я не учла, что военные не только одеваются быстро, по команде. В порыве страсти они и раздеваются столь же шустро. Вот только довершить картину бесплатного стриптиза не дал выкрик из зала:

– Браен, мать твою, это ты?

Несостоявшийся любовник разом скинул импровизированную повязку, оставшись в одних трусах и носках. Симпатичные такие, черненькие труселя, посередине которых красовалась надпись: «Разожги мое пламя». Пламя, к слову, полыхало всюю, без чужой помощи. Злобный взгляд в мою сторону был способен испепелить почище лазера.

Основное правило ведения боя гласит: «Правильно оцени

противника». Его нам вдалбливали с самого первого занятия в училище.

Я оценила, ужаснулась, и в голове запоздало зародилась здравая мысль: «Долбаный коркат!» Сняв с ног туфли и подхватив каблуки, ринулась в забег по служебным помещениям.

Да, месть удалась, только как бы дальше не пропасть... Ведь если этот склад тестостерона меня догонит, то мало не покажется. По прямой наш забег грозил завершиться в считанные минуты.

Надо петлять! Я лихорадочно заозиралась. Из одной приоткрытой двери коридора валил пар и слышался звон посуды. Недолго думая нырнула туда и оказалась на кухне. В колбах и пробирках вываривались деликатесы, а вот в посуде попроще – кастрюлях и сковородках – шкварчала и бурлила более привычная моему глазу еда.

Пролетев стрелой меж духовых шкафов, я увидела то, что искала: достаточно большую вентиляционную решетку под потолком. Одним махом вскочив на металлический стеллаж, находящийся аккурат под вентиляцией, я приготовилась вырвать решетку. Ухватилась посильнее и резко дернула, при этом чуть не свалилась обратно, – оказалось, что она просто приставлена. Не тратя ни секунды, ввинтилась в шахту воздуховода, приставив решетку на место. Что ж, посижу здесь. Вперед ползти смысла нет – далее ход все равно сужался. Сдавать назад – над плитой клубится пар, а обвариться,

грохнувшись в кастрюли, если короб не выдержит мой вес, – увольте от такого сомнительного удовольствия.

Пульс отдавался в ушах, страх и азарт бурлили по венам. Но я попыталась затаиться и прильнула к решетке. Хорошо, что Браен не рассчитывал на такой резкий старт со стороны вроде бы обычной девицы. Это и дало мне пару мгновений форы. Повезло еще и в том, что на кухне в момент моего взлета под потолок не было свидетелей.

Злой и мрачный, как черная дыра (разве что не поглощающий материю вокруг), Браен пронесся ураганом по кухне и, наткнувшись взглядом на входящего с компактусом овощей повара, схватил беднягу за грудки.

– Где она?! – ревел блондин – Где эта сволочь?!

Повар затрясся, закатил глаза и едва не хлопнулся в обморок. Ну да, не каждый день на работе из тебя пытаются вытрясти душу взбешенный накачанный мужик в трусах и носках.

Не добившись внятного ответа, Браен отпустил изрядно струхнувшего повара и уже медленнее двинулся дальше. Когда он вышел, я быстро отодвинула решетку и, мягко спружинив на пятки, приземлилась перед поваром. Бедолага, на долю которого и так выпала целая гора впечатлений, не был готов к свалившемуся перед ним счастьем. Кулинар икнул от неожиданности и все же начал падать в обморок, выпустив из рук компактус. Решив, что удар пластика о пол громче удара тела об него же, я подхватила контейнер с овощами и ак-

куратно поставила рядом с упавшим. Выдохнув с облегчением, побежала в обратном направлении. На выходе из зала меня уже ждала Прит.

– Бежим, а то наш разъяренный чемпион может снова явиться! – Все это я выпалила, натягивая на ноги туфли, и мы, весело переглядываясь, поспешили прочь.

Со дня гонок прошло две недели. Вернувшись в училище и получив положенную порцию поздравлений и восхищений (как искренних, так и тех, от которых веяло, как от просроченных на пару лет консервов, – изрядной гнильцой и перспективой несварения), я переключилась на рутину. А рутина на данный момент являла собой занятие по инженерно-технической теории. Преподавал ее Менханаф Валлеулович, рыжий, круглый и конопатый, с вздернутым носом. Данный орган был столь вызывающе задран не в силу физиологических особенностей организма преподавателя, а из-за привычки глядеть на всех чуть свысока, что при его невысоком росте было весьма проблематично.

– Время прохождения пассажирского крейсера от Вилерны до Земли составляет шесть галактических суток. Такое же расстояние ракета класса SKR-200 преодолевает за сто двадцать девять минут. О чем это говорит? – Взгляд Менханафа скользнул по аудитории и остановился на мне, в этот момент строящей каверзу впереди сидящему соседу.

Я же слегка увлеклась, заталкивая ароматический шарик

в оттопыренную сзади опушку форменных брюк противного одноклассника. Из-за этого стукача мне назначили неделю нарядов на кухне.

Шарик был обычный. А вот его запах, который появляется, как только раздавишь маленькую сферу, стал нашей с Прити личной гордостью. Путем экспериментов к сероводороду удалось добавить парочку эфиров, да так, что от двух капель получившейся жидкости можно спастись только в противогазах. Запах тухлых яиц и гнилой рыбы не выводился и не выветривался несколько часов.

– Кадет Тэри Ли. Ответьте на вопрос. – Менханаф, как всегда, серьезен.

«Не успела!» – мелькнула мысль, когда преподаватель назвал мое имя.

– Простите, вы не могли бы вопрос повторить? Он вылетел у меня из головы. – Признаться в том, что я его пропустила мимо ушей, было неприятно и стыдно.

– Кадет, ваша голова напоминает космопорт, из нее постоянно что-то вылетает, – желчно заметил довольный преподаватель. – Повторяю вопрос: время прохождения пассажирского крейсера от Вилерны до Земли составляет шесть галактических суток. Это же расстояние ракета класса SKR-200 преодолевает за сто двадцать девять минут. О чем это говорит?

– О том, что все, что летит к Вилерне медленно, летит с мирными намерениями... – не удержалась я от подколки, но

потом все же ответила серьезно: – А также о наличии дармит-гасителей и отсутствии влияния коркат-излучения на систему навигации и управления ракеты данного класса.

Менханаф удовлетворенно кивнул, разрешая сесть на место.

Все-таки есть в нашем нищем училище один огромный плюс: преподавали здесь намного человечнее, если так можно сказать об учебе, нежели в престижных военных академиях. Педагоги позволяли нам некоторое вольности, да и искренне старались вложить в непутевых кадетов знания. Вот только отсутствие мало-мальски доступных учебных пособий делало свое черное дело. Если космическую историю и навигацию, вилернский и единый земной язык, тактику, стратегию и прочие гуманитарные дисциплины, требующие лишь экрана визора и должного старания, кадеты училища знали весьма сносно, то в остальном... Особенно страдало модульное космическое пилотирование. Его без тренажеров освоить никак нельзя. Таковых за училищем числилось аж пять штук. Правда, этот квинтет приходился аж на восемь тысяч кадетских душ.

Преимущество перед остальными предметами только у рукопашного боя. Здесь учебных пособий хоть отбавляй – сосед слева, сосед справа, а еще и напротив... Обучайся – не хочу.

Время после учебы, не обремененной спецпредметами (тут бы основной курс оснастить), кадеты проводили по-

разному. Прит, например, разрывалась между виртмагазинами, свиданиями и остервенелой зубрежкой параметров генерального курса, угла сноса корабля, счисления координат и прочей жизненно необходимой каждому навигатору ереси. Иногда, впрочем, эти три ее увлечения разбавлялись попытками превратить меня в нормальную девушку. Подруга мечтала то научить меня ходить на шпильках, то краситься, то разбираться в моде. Некоторые из попыток были даже удачными. Это в тех случаях, когда я не успевала вовремя улизнуть от подруги, поставившей себе очередную сверхзадачу: облагородить пацанистую меня.

Я же, в отличие от Прит, любила погонять на раздолбанном гравибайке на местных нелегальных гонках. Хотя чаще всего зависала в боксах, ремонтируя свою шайтан-машину. Байк появился у меня вопреки мизерной стипендии. Сначала я пробовала откладывать на свою мечту из нее родимой. Но потом пришла к выводу, что солнце, воздух и вода в последнюю неделю до очередной стипендии – это хорошо, но все же еду не заменят.

В пятнадцать лет плюнула и начала подрабатывать в городе, расположенном неподалеку от училища. За полгода каждодневного четырехчасового оплачиваемого рабства в одной из забегаловок я наскребла на изрядно проржавевший движок в двенадцать тысяч кубов и генератор гравитационной подушки. Так стала воплощаться моя заветная мечта. Попеременно покупая подержанные детали или находя что-то на

свалках и убивая ночи в ремонтном боксе, удалось (не без помощи ребят с мехкора) собрать мое чудо по частям.

Выглядел байк неказисто, но гонял отменно. Доказывая свою резвость в нелегальных гонках.

Директор бы и рад запретить картинги, проходившие в крутом овраге зоны отчуждения, но тогда кадетам вообще не на чем будет тренироваться в пилотировании. Поэтому Радвин закрывал глаза на это нелегальное безобразие.

Зубрить, не в пример многим кадетам, мне приходилось очень редко и лишь то, чего не было на занятиях, – спасибо практически абсолютной фотографической памяти, доставшейся в наследство с X-хромосомой от отца.

Под потолком мигнул светодиод, ознаменовав начало большой перемены.

Как только я вышла из аудитории в коридор, ко мне тут же подскочила Прит, чьи занятия шли в соседней лекторской.

– Ты идешь смотреть списки распределения на стажировку? – азартно спросила подруга.

Не дожидаясь ответа, она с энтузиазмом тягача потащила меня в вестибюль.

Да уж, стажировка, которой никому из выпускников не избежать, маячила через месяц поярче габаритов инерционного гасителя. По ее итогам мы будем допущены к выпускным экзаменам. Ее одновременно боялись и ожидали с нетерпением. И вот... я стою, смотрю на табло, где мое имя – четвертое в списке, – и пытаюсь понять шутку юмора.

«Тэриадора Лирой, место стажировки – космический линкор «Элколай», должность – помощник младшего пилота корабля». Еще раз попыталась осмыслить прочитанное. На этот линкор даже рядовыми штурмовиками назначали только самых выдающихся пилотов, проявивших себя не в одном бою, а чтобы кадета училища – и сразу с допуском к капитанскому мостику... такого еще не было.

Браен Дранго

Двумя часами ранее. Земля. Академия Бореа

Закатное солнце, нестерпимо жаркое для начала весны, раскалило воздух в аудитории до предела. Климат-синторы работали вовсю, но их мощности не хватало. На верхних этажах академии температурная планка медленно, но уверенно поднималась вверх. Последнее на сегодня практическое занятие по пилотированию в условиях коркат-излучения у выпускной группы подходило к концу.

На запястье одного из кадетов мигнул браслет поляризационного проектора. Это пришло сообщение: «Просьба после окончания занятия зайти в кабинет заместителя главного ректора». Сухое и официальное, оно разве что не скрипело песком на зубах.

Браен тяжело вздохнул, понимая, что это может означать. Зам недоволен провальным выступлением на недавней гонке. К слову, не без оснований. Первым пришел к финишу

кадет занюханного училища, в то время как он, Дранго, выпускник элитного высшего учебного заведения, – лишь второй. Это удар по престижу Академии Бореа.

Браен аккуратно и точно посадил виртуальный корабль в заданной программой расчетной точке, отсоединился от тренажера. Вдох-выдох, чтобы успокоиться. А дальше – самое неприятное. Браен про себя скривился, встал из кресла симулятора и направился в кабинет зама.

– Кадет Дранго по вашему приказу прибыл! – четко произнес он в микрофон.

Створки разъехались в разные стороны, открыв вход в кабинет.

– А, Браен, – обманчиво-мягкий голос зама ректора, Ирва Гринко, заставлял многих посетителей покрываться холодным потом. – Рад, что вы зашли. Присаживайтесь, разговор будет долгим.

Кадет сел на указанное место, так что между кителем и спинкой стула осталась всего пара миллиметров.

– Браен, не так давно вам выпала честь представлять нашу академию в ежегодных межгалактических гонках. И мы все полагали, что вы в полной мере оправдаете наше доверие. – Ирв Гринко, мужчина в возрасте, сухощавый, высокий, с седыми висками и длинным прямым носом, меж тем подходил к сути разговора. – По окончании основного курса вы должны были как один из лучших выпускников проходить стажировку в качестве помощника капитана на линко-

ре «Элколай». Но в свете последних событий совет академии пересмотрел свое решение.

Зам в упор уставился на Браена, ожидая проявления эмоций на лице кадета. Таковых не наблюдалось, и Гринко удовлетворенно кивнул: хотя бы в выдержке проштрафившемуся не откажешь.

– Решено отправить вас на данный эсминец, но в качестве второго помощника младшего пилота.

Браен мысленно усмехнулся – наказали так наказали. Хуже разве что было бы отправить его на стажировку рядовым. Зам же скривился, словно выпил пинту неразбавленного укуса, и позволил себе откровенность:

– Мое мнение, кадет, не будь вы сыном Рамира Дранго – депутата парламента Союза, вы бы сей же миг были отправлены рядовым на зачуханную базу окраины галактики. Нашим кадетам прощается многое за стенами академии – случайные связи, вечеринки до утра, азартные игры... Но никогда, я подчеркиваю – никогда, не прощается то, что ставит под сомнение качество образования. В гонках можно проиграть только сильному сопернику, выпускнику Академии Редве или Академии Орхаса. Но никак не кадету из училища на отшибе соседней галактики!

Неожиданная вспышка гнева у Гринко прошла так же внезапно. Переведя дух, он добавил:

– Помимо прочего, для вас есть задание, ознакомьтесь, – и протянул документы. – На этом все, можете быть свободны.

Выйдя из академии, Браен расслабил мышцы лица, застывшие до того в холодно-спокойной маске. Губы сами собой сложились в горькую ухмылку. Все, чего он так упорно добивался много лет, рухнуло.

В детстве он не понимал, почему отец запоминает имена детей своих сослуживцев, держит в памяти дни рождения конгрессменов сената, всегда любезен на публике. В глазах окружения это был любящий муж и примерный семьянин. А с ним, с Браеном, и с его братом за завтраком Дранго-старший даже не разговаривал, уделяя все свое внимание яичнице и сводкам новостей. Впрочем, старшей сестренке – Рижур – повезло еще меньше: ее вообще в пять лет отправили в колледж для благородных или просто обеспеченных девиц. Этот милый и уютный на снимках пансионат на деле напоминал тюрьму, где Риж и предстояло пробыть до своего совершеннолетия. Мать же, ярая активистка движения «Киборги не пройдут!» была целыми днями занята. Она скинула все материнские обязанности на прислугу, которая, в свою очередь, эмоциональной теплотой могла сравниться с метеоритным льдом.

Может, именно поэтому старший брат, подающий надежды молодой художник, в шестнадцать лет ушел из родительского дома, предпочтя нищету в кругу друзей и единомышленников роскоши холодных стен отчего дома. Спустя полгода его нашли мертвым в хибаре на окраине столицы: передозировка «звездной неги» оказалась смертельной. Сест-

ренка же, как только ей исполнилось семнадцать, умудрилась выскочить замуж, буквально за пару часов охмунив какого-то клерка. Кажется, их группу из пансиона в тот день вывели на очередную экскурсию в музей. Рижур за такой финт была выдворена из пансиона к законному супругу, чего и добивалась. Спустя каких-то полтора месяца так же стремительно развелась. Сейчас же эта матерая светская львица пребывала в свободном плавании богемы.

Смерть брата и замужество Рижур практически совпали по времени. Это был единственный раз, когда Дранго-старший обеспокоился судьбой Браена, – еще одного черного пятна на репутации политику бы не простили. Потому-то папаша и решил перепоручить воспитание сына Академии Борреа. Так в десять лет Браен очутился в стенах элитного военного учебного заведения.

Дранго хмыкнул, вспоминая первый год в академии. Сказать, что он так просто сдался, – это значит ничего не сказать. Были и показное неподчинение приказам, и самоволки, да все что угодно, лишь бы отец обратил на него внимание. Но папочка-депутат плевать хотел с высокой колокольни. У кандидата на должность конгрессмена были дела более интересные, чем сопливый отпрыск. Мать не сильно отстала от отца в вопросе чадолюбия. Она так ни разу за год и не навестила сына.

Дела. Политика. Митинги. Светские приемы. Тут не до свиданий с проблемным подростком.

А руководство умело подавлять мятеж юных бунтарей – наряды вне очереди, дополнительные физнагрузки и жесткие спарринги во время занятий. Здесь не жалели, ибо жалость могла обернуться смертью в бою.

Кадетов муштровали, готовя и к пилотированию, и к командованию, и к разведке, и к дипломатии. Выпускники Академии Бореа были элитой военных сил Союза. Поэтому уже с семнадцати лет кадетов курсами снимали с занятий по сигналу тревоги и кидали в наступление – будущий командир должен не понаслышке знать, что такое реальные боевые условия. Из-за этого учебная программа длилась на несколько лет дольше, чем в училище, выпускники которого имели за плечами только голую теорию. По этой причине пилоты с летной картой, выданной училищем, не могли дослужиться выше прапорщика.

Время шло, политическая карьера отца требовала выхода в свет всем семейным составом, и Браен очень редко, но все же бывал дома. Хотя для всех окружающих семейство Дранго являлось образцовым.

Дранго-старший позиционировал себя поборником семейных ценностей, верности и чести. Будто нарочно, в противовес отцу сын стал заводилой самых разгульных вечеринок. Браен менял женщин так же легко, как перелистывал вирт-окна на поляризационном экране, участвовал в нелегальных гонках. Благо стипендия, выделяемая академией, была более чем щедрой и позволяла такие вольности.

Иногда Браен задавал себе вопрос: «Когда я перестал оглядываться на отца и делать все, чтобы вылететь из академии?» И не находил точного ответа. Просто однажды утром он проснулся и понял, что по-настоящему не нужен своей семье. Ни плохим, ни хорошим. Что он в этом мире один. К тому же еще и спеленатый, как смирительной рубашкой, репутацией и положением своего отца.

Тогда-то Браен и решил, что стать лучшим на курсе, лучшим в выпуске – это возможность выйти из тени Дранго-старшего, возможность самому решать свою судьбу. И сейчас он точно знал, чего хочет.

Гонка все испортила. Теперь, чтобы стать помощником капитана на «Элкалае» придется начинать все с нуля. Браен хмыкнул, вспоминая еще одно недавнее свое поражение. Захотелось расслабиться, отвлечься после гонки... И надо же было из всех девиц выбрать ту крошку, зажигающую в центре танцпола. Осечек с женщинами у него до этого не случилось. Но алкоголь притупил бдительность, и вот результат – его провели, как ребенка.

Но зачем той малышке понадобилось выставлять его полным идиотом?

Конечно, потом, в компании друзей, Браен в красках расписал, как догнал эту крошку и что с ней сделал. Так сказать, выдал отредактированную версию забега с цитатами из Камасутры.

Решительно выдохнув и отринув ненужные воспомина-

ния, Браен открыл папку, которую вручил ему Гринко, и замер. На первой же странице с голограммы на него смотрела малышка, что так мастерски раздела его на сцене.

Глава 2

«Элколай»

*Знаешь, к тебе обращаюсь
Не с укором, не с просьбой —
С вопросом:
О чем солнце мечтает,
Когда в ночном небе звезды?
Сколько дорог пройдем мы,
Прежде чем стать собою?
Кем быть важнее,
Другом или героем?
На миллион вопросов
Ни одного ответа...
А в небе яркие звезды
Под ними мчится планета...*

Тэри Ли

В белом, чуть коротковатом кителе, прихрамывая, капитан «Элколая» шагал по периметру ходовой рубки и пристально меня рассматривал.

– Вы и есть тот самый кадет училища, которого откомандировали для прохождения стажировки? Интересно...

Убеленные сединой виски, спина – настолько прямая, что ее можно использовать вместо отвеса, внимательный прищур карих глаз – капитан линкора производил впечатле-

ние умного, выдержанного человека. Но сейчас он выглядел слегка растерянным.

– Признаться, за всю свою долгую военную карьеру я впервые вижу пилота, окончившего училище и зачисленно-го в качестве офицера младшего состава. И помимо прочего, извините, но вы... Э-э... девушка.

Это весьма ценное замечание я выдержала стоически: смотрела прямо, не опуская взгляда и выпячивая тот самый признак, что отличал меня от мужчин. Капитан задержал взгляд на моей груди и едва заметно покачал головой. Да, я прекрасно понимаю, кем, а вернее чем, для него являюсь. Проблемой. На борту женщин раз, два и обчелся. Причем большинство – обслуживающий персонал. А тут я.

Но капитан мужественно сдержал свои эмоции и продолжил, будто бы рассуждая вслух:

– Стажер Ли, я ни словом не совру, если скажу, что ваше появление здесь и в таком статусе – случай уникальный... Хотя до этого выпускники училищ и в гонках не побеждали. Читал ваше досье, впечатляет. Отличная память, неплохие навыки пилотирования и физическая подготовка, три прижившихся порта. Разрешите полюбопытствовать, какие? Этого в данных не указано.

– Один – универсальный, второй рассчитан на суда большой тяги гражданской космической авиации, третий – для сверхскоростных, – отрапортовала я, постаравшись, чтобы голос не выдал волнения.

– Однако, – хмыкнул капитан. – Не буду пока спрашивать, кто и когда решился имплантировать вам такое. Меня волнует другой вопрос. Знаете ли вы, что женщины в космофлоте занимают должности навигаторов, механиков или рядовых пилотов, но никогда не допускались до пилотирования целым кораблем? Им может управлять только выпускник академии, а туда прекрасный пол не берут. Вы же назначены на должность помощника младшего пилота линкора. По факту – будете допущены до управления. Вы осознаете, что это означает?

– В полной мере, – выдала краткий ответ, как и положено по уставу.

Капитан Рутгард устало вздохнул. Он, как и я, понимал, что положение, мягко говоря, препаршивое. Необстрелянная выпускница училища на месте (пусть и временно), которое мечтают занять уже немало послужившие выпускники академий. Да меня скопом возненавидит весь офицерский состав линкора! Но это еще полбеды. Хуже, что я девушка, а это уже грозит массовым когнитивным диссонансом, или говоря проще – наверняка попробуют затащить в койку, вместо того чтобы относиться ко мне как к сослуживцу.

Махнув совсем уж не по-капитански рукой, Рутгард перешел на дружеский тон:

– Тэри Ли – это ведь и твои позывные, и сокращенное имя?

Я утвердительно кивнула.

– А то Тэриадора Лирой – слишком тяжеловесно. – Рутгард примирительно улыбнулся, пытаясь хоть так сгладить неловкость, и все же озвучил очевидное: – В общем, офицерский состав заранее будет настроен против тебя, тем более что вместе с тобой стажировку проходит один из лучших выпускников Академии Бореа. Но я не отношусь к этому большинству. Считаю, что пол – не главный фактор для хорошей службы. – И совсем уж не по-командирски, с плутовской усмешкой добавил: – К тому же кто еще из капитанов может похвастаться наличием в экипаже пилота с тремя джей-ти-портами?

Резкий стук в дверь (ходовая была одним из немногих помещений корабля, где сохранился этот архаизм) заставил капитана вмиг стать собранным, серьезным и отстраненным. Он даже отошел от меня на шаг, scomандовав: «Войдите».

А когда дверь открылась и я увидела визитера, то поняла, что стажировка будет еще веселее, чем можно было предположить в самых смелых фантазиях. На пороге стоял Браен Дранго собственной персоной.

– Капитан Рутгарт, кадет Браен Дранго для прохождения стажировки прибыл! – Хорошо поставленный голос под конец звучал уже не так бодро. Глаза блондина сощуривались по мере того, как он рассматривал меня.

– Тэри Ли, – капитан кивнул в мою сторону, представляя вошедшему, – так же, как и вы, прибыла стажироваться. На эти два месяца вы оба – помощники младшего пилота лин-

кора.

– Мы знакомы, – процедил красавчик.

– Тогда прошу в кают-компанию, представлю вас обоим остальным офицерам.

Подав нам пример, капитан первым вышел из рубки.

– Тэри Ли, – следуя за мной, наклонился и прошипел у самого уха Браен, – признаться, короткое платье и имя идут тебе гораздо больше комбинезона кадета училища и берцев.

Его тон и слова заставили меня напрячься.

После знакомства со старшим командным составом линкора остался неприятный осадок. Зрелые офицеры просто недовольно похмыкали. А вот один из молодых лейтенантов меня основательно разозлил. После того как ушел капитан, этот хмырь высокомерно заявил, что выскочки из училища совсем обнаглели и не видать бы мне этого места, не поработай я другим в горизонтальном положении. Его никто не поддержал, но и не одернул. Я уже собиралась ответить язвительностью (хотя кулаки так и чесались заменить междометия чем-то посущественнее), когда вмешался Браен. Этот недогонщик заявил, что он таки имел удовольствие оценить мои горизонтальные умения.

На лицах всех присутствующих появилось заинтересованное выражение. Что уж скрывать, и я не стала исключением. Мне было любопытно: когда это я успела-то? Браен выдержал паузу и с ухмылкой закончил, дескать, то, как я на болиде проскочила на гонках у него под брюхом, лишив первого

места, – удовольствие то еще.

Грянул хохот двух десятков глоток. Кто-то одобрительно похлопывал блондина по плечу, оценив скорее удачный способ замять конфликт и осадить выскочку из училища, нежели плоскую шутку.

Меня же раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, Браен – та еще зараза. С другой – он разрядил атмосферу и вроде как даже признал, что проиграл. Но тем не менее желание приласкать его чем-нибудь потяжелее по голове за сальность было превыше.

Мысленно плюнув, я развернулась и направилась прочь. Нужно еще разместиться в выделенной каюте и забрать со склада новую форму взамен кадетской.

Увы, сегодня явно не мой день. Об этом свидетельствовала печаль в глазах завскладом. Причина вселенской трагедии молодого русоволосого детины с непослушными вихрами оказалась банальной: ревизия. Ведь эта самая ревизия – она как теща: век бы ее не видеть, но ведь жена (в смысле начальство) загрызет, если время от времени с ней не встречаться. Уточнив мои размеры, парень взгрустнул еще сильнее.

– Ну и где я найду женскую форму младшего офицерского состава? – спросила эта стоеросовая детинушка.

Печаль парня передалась и мне. Два месяца щеголять в комбезе, немногим уступающим по параметрам парашюту, – сомнительное счастье. Мне и мою-то старую форму из учи-

лица пришлось изрядно ушить. А ведь она была женская... Про ту, что хранилась на складе линкора, и говорить нечего.

Имелся еще вариант: взять форму рядового. Благо там есть женские комплекты. Но, опять же, нашивки... В итоге рыжий плюнул, выдал мне оба комплекта и предложил, отпорвав лейтенантские метки, пришить их к рашгарду рядового.

Взяв обмундирование, удалилась в отведенную для меня каюту, где просидела до вечера, пришивая знаки различия к рашгарду.

За иглой меня и застал сигнал, ознаменовавший, что пора ужинать. Еще по прибытии на линкор я внимательно осмотрела трехмерную схему эвакуации. Поэтому сейчас найти столовую мне не составило труда.

Идя к раздаче, я чувствовала себя переспелой дородной девицей, шествующей к алтарю в платье с отчаянно шуршащим подолом, на которую устремлены сотни пар глаз. Завистливо перешептывающихся старых дев с успехом заменяли офицеры младшего состава. Кто постарше – разглядывали с откровенным любопытством. Для полноты картины не хватало только, чтобы они еще лузгали семечки и кивали в мою сторону.

Вот мужчины авторитетно утверждают, что мы, женщины, – сплетницы. Так вот: мужики нагло врут! Никто официально мое изображение на поляризационные экраны не вывешивал, а весь корабль уже в курсе, кто я и что я.

Жених, то бишь повар, встретил меня радостной улыбкой заправского маньяка, предложив на выбор мясо, овощное пюре или сублимированный плов, который предлагалось запить водой. Выбрав первое, направилась к столику, стараюсь двигаться как можно более плавно и наивно надеюсь, что если не буду издавать ни звука, меня могут и не заметить. Эти чайния с треском провалились.

Утешало то, что выбранный мной столик был пуст. Но, как оказалось, ненадолго.

Не успела приступить к ужину, как ко мне подсел не кто иной, как этот Дранго, нестабильный атом ему в печенку!

– Какая необычная у тебя форма, – с хрипотцой протянул блондин, разглядывая нашивки на рашгарде с таким видом, будто пытался увидеть что-то сквозь ткань.

Куртка и штаны с эмблемой «Элколая» и лейтенантскими погонами сидели как влитые, значительно облегчая блондину задачу. Для воображения места оставалось немного. Между тем Браен, словно в чем-то убедившись, продолжил:

– Тем интереснее мне сегодня вечером будет ее снять. На вечеринке ты обещала мне жаркую ночь, полную страсти... Припоминаешь? – Он хитро посмотрел на меня.

Против воли я залилась краской, успешно мимикрируя под алую столешницу. Ну да, я в тот приснопамятный вечер много чего говорила, лишь бы заманить его на сцену. Вот теперь красавчик возьмет реванш. Больше Браен не произнес ни слова, лишь многообещающе улыбался. А я давилась мя-

сом под его ироничным взглядом.

Быстро расправилась с ужином и, не попрощавшись, направилась к себе.

Пулей влетев в каюту, сразу же бросилась сумке с вещами. В том, что дверная запорная система здесь не представляет серьезной проблемы, сомневаться не приходилось. Стальные створки могли еще сдерживать оборону, но вот за блок управления я не ручаюсь. Один его поцарапанный корпус, к которому я приставляла свой браслет, чтобы войти, уже не внушал доверия.

Так что к ночному визиту следовало подготовиться заранее.

Роясь в вещах, возблагодарила Прит, чьи проповеди наподобие: «Пилот все-таки может иногда быть девушкой», – все же возымели успех. Одним из достижений лекторского искусства подруги на тему женственности стало появление у меня косметички. А было время, когда я искренне считала, что для красоты достаточно шампуня, мыла и зубной пасты.

Сейчас я искренне возрадовалась, что все-таки взяла с собой, помимо гигиен-минимума, еще несколько милых женскому сердцу «баночек красоты». Выудила со дна сумки косметичку и сразу же нашла его – депиляционный крем моментального действия.

Чем хорош этот выкидыш высокомолекулярного химпрома Вилерны, так это мгновенным эффектом. Все остальное в нем – недостатки. Среди оных особо выделяются: частая

сыпь, покраснения, шелушения при первом (которое явно может стать и последним) использовании, отвратный запах и неприятный цвет. Благо цена бросовая, а аллергии на него у меня не наблюдалось.

Зафиксировав суперклеем весьма объемный тюбик над входом в каюту, набросила на него петлю из полиуретановой нити, второй конец которой привязала к одной из створок входа. Ловушка была уже опробована в свое время на старшекурсниках, решивших проучить малышню. Правда, в ранней версии состав был более щадящий: краска для волос вилернского же производства оказалась очень забористой. Она ни в какую не пожелала покидать шевелюры недопилотов. Минусом нашей малышовой затеи стал изгвазданный коридор, напоминающий минное поле. Пятна от краски виднелись везде: на полу, стенах, потолке, окнах, а некоторые даже сиротливо запрятались за зеркалом. Последовавший за этим месяц драинья полов на втором этаже училища запомнился нам с Прит надолго. Учтя ошибки предыдущего раза, я закрепила тюбик понадежнее.

Для верности разорвала еще нитку бус и щедро рассыпала маленькие горошины по каюте. После чего с чистой совестью, завернувшись в одеяло, легла спать под кровать.

Проснулась от виртуозных по исполнению матюгов, раздавшихся в тот момент, когда офицер вошел в каюту. Не успела я скомандовать «свет», как створки раскрылись еще раз. Неудачливый посетитель тут же поспешил покинуть

столь нерадушно встретившее его помещение. Глянула на часы, уведомившие нас пятерых (а конкретно: меня и четыре стены) о том, что близится полночь.

Я встала и осмотрела ловушку. Плюс был в том, что пятен крема практически не заметно, а следовательно, и убирать особо не придется. Минус – все содержимое тюбика выдавлено, и на новый «залп», если кто-то еще решит пожаловать, уже не хватит.

Утешила себя тем, что на нежданного визитера реагента пришлось достаточно. Скорее всего завтра таинственный посетитель будет конкурировать по гладкости затылка с бильярдным шаром. Но то будет завтра, а пока встал насущный вопрос: чем же можно зарядить новую обойму? Взгляд упал на тюбик суперклея, который застенчиво выглядывал из недр дорожной сумки.

Повертела его в руках. Производитель уверял, что состав «кріпко и хватко сліваєт диталюшкі». Решив, что замена равноценна, я с чистой совестью легла досыпать. Как выяснилось чуть позже, данный клей мог вполне успешно соперничать с оружием массового поражения. В том плане, что массы в моем лице были поражены его прочностью.

Под утро, в час между волком и собакой, когда особенно сильно хочется спать, створки в мою каюту вновь приоткрылись. На этот раз в гости заглянул Браен. Его появление ознаменовалось шипящим матом и грохотом падающего тела. Это-то меня и разбудило. Хотя нет, вру. Лучше всего

прогнал сон удар в бедро.

Оказывается, Браен прокатился на бусинах на манер серфингиста и заехал прямо под кровать, где я и изволила почитать.

– Какого... – начала я, попытавшись вылезти из своего укрытия.

Попробовала рукой отодвинуть препятствие... Но уперлась макушкой в новую преграду. И поняла – влипла!

Моя шевелюра намертво приклеилась к чему-то. А конкретнее – к Браену. Он тоже дернулся, пытаясь отстраниться от меня. На этот раз взвыла я. Клей просто так отделиться не желал и требовал в качестве откупа мой скальп.

Всю нелепость случившегося мы осознали спустя несколько мгновений бесплодных попыток встать и отсоединиться друг от друга. Я уже искренне жалела о том, что использовала в качестве охраны клей. Браен, пробираясь в комнату, задел его. Но то ли блондин был достаточно осторожен, то ли я криво на этот раз закрепила тюбик... В общем, клей попал ему на штаны, аккурат на правое бедро рядом с ширинкой.

И тут моего гостя угораздило наступить на бусины, мирными минами лежавшие на полу. Браен поехал, да так, что затормозил о мою голову как раз тем местом, куда попал клей. Как итог – моя макушка, намертво приклеившаяся к его штанам в весьма пикантном месте.

Феерия непередаваемых ощущений накрыла меня с голо-

вой, и я поняла, что чувствовали презренные бледнолицые, когда с них живьем сдирали скальп.

– Снимай штаны, – прошипела я Браену.

К сожалению, не могла видеть лица блондина, но, похоже, его ничуть не смущала ситуация. Он хмыкнул, но таки потянулся к застёжке с намерением снять требуемую деталь гардероба. Однако пушистый зверек песец бдел и улыбался своей мохнатой мордой сегодня нам обоим. Штаны намертво прилипли к коже Браена. Он дернул пару раз и убедился, что производители не врали, и клей действительно «кріпко и хватко слівает».

Не сговариваясь, мы поковыляли в душ, где в последующие два часа уверились: этот клей не размокает, не поддается действию растворителей, не реагирует на нагревание и вообще не сдастся врагу, то бишь нам, ни при каких обстоятельствах. Выстричь приклеившийся клочок без того, чтобы миновать процедуру лоботомии, было так же весьма проблематично.

Я усиленно пыхтела Браену в южную оконечность пупка. Он скрежетал зубами, но пока сдерживал так и просившиеся наружу емкие, многоэтажные комментарии. За таким веселым и увлекательным занятием мы оба не заметили, как дверь душевой приоткрылась, и на пороге застыл Рутгарт. Капитан пару раз кашлянул, привлекая наше внимание.

Я обернуться не могла, поэтому чести ответить удостоился Браен.

– Капитан, это совсем не то, что вы подумали... – начал было он, но тут же прервал сам себя криком: – Уй ё-о-о!!!

Причина перехода от осмысленных фраз к отдельным звукам находилась в районе его ремня. Как только я поняла, что вошел не кто иной, как Рутгарт, то удвоила усилия по отдергиванию своей головы от штанины Браена, наплевав на боль. В результате блондин на себе испытал все прелести депиляции.

– Ну наконец-то! – непроизвольно вырвалось у меня, и я шумно выдохнула.

Браен что-то процедил сквозь зубы, явно нелестное и явно в мой адрес.

Капитан, слегка отойдя от шока, прокомментировал увиденное.

– Я-то опасался, что вас, Тэри... офицеры могли сразу не принять и попытаться устроить темную... Решил зайти проведать на всякий случай перед общей побудкой. Но, как оказалось, я не вовремя...

– Нет, вы как раз вовремя! Мне бы так духу не хватило, – призналась в сердцах.

Ну да, добровольно испытать болевой шок – для этого нужен сильный испуг. Но Рутгарт, похоже, этого не понял. Лишь осуждающе поджал губы.

Стало до жути стыдно. Мельком глянула на Браена – похоже, не мне одной. Больше не говоря ни слова, капитан вышел. Как только дверь закрылась, блондин не мешкая стянул

с себя штаны и, глянув на браслет, сообщил:

– У нас меньше получаса. Если не успеем, то ты останешься с моими штанами на голове, а я – в очередной раз в одних трусах. – И спустя мгновение с какой-то обреченностью добавил: – И зачем я только с тобой связался?

Тактично умолчала, что в мою каюту его никто, собственно, не приглашал, поскольку была озабочена отдиранием штанов от собственной шевелюры.

Посмотрев на мои потуги, Дранго решил гордо удалиться из душевой, а я отметила, что на этот раз он щеголял в просторных семейках, украшенных голубыми слониками. «Не иначе как не ожидал, что придется дефилировать в неглиже перед дамой», – ехидно прокомментировал внутренний голос.

Поскольку теперь с другой стороны штанов был простор для маневра, дело пошло быстрее, и спустя двадцать минут моя изрядно поредевшая и частично покровсанная ножницами шевелюра обрела свободу от одежды Браена. К слову, штаны тоже теперь украшало несколько проплешин: в тех местах, где передо мной стоял выбор – моя кожа или все же ткань.

Пыхтя, я вышла из душевой и протянула блондину его обмундирование, изрядно заляпанное, с клоками волос и рядом дыр по центру.

Ничего не сказав, голубоглазый гад натянул штаны и с гордым видом человека, оскорбленного в лучших чувствах, уда-

лился.

Я осталась посреди каюты. Мои мысли были исключительно о девичьем: сколько же геля потребуется, чтобы зализать волосы, максимально прикрывая проплешину, и как получше натянуть на макушку форменную фуражку, чтобы инцидента никто не заметил.

Как оказалось, волновалась я по поводу прически зря. На завтраке в столовой царило молчаливое оживление, как на кухне, где нерадивая хозяйка оставила без присмотра кусок пирога, а славная тараканья орда не преминула этим воспользоваться. К моей радости, роль звезды досталась обладателю абсолютно лысой, в красную аллергическую крапинуку, голове. Что ж, вилернский химпром осечек не дает! Любитель ночного экскурсионного досуга развернулся ко мне лицом, и я узнала того младшего офицера, который в кают-компании так интересовался горизонтальным способом продвижения по карьерной лестнице.

Эта новость ошутимо приподняла настроение и, как ни странно, улучшила вкус блюда.

После завтрака, придя на мостик, первое, что я увидела, – невозмутимое лицо Браена (он, кстати, был в новеньких отглаженных штанах).

– Вводный инструктаж проведу вам я. – Кресло, доселе повернутое ко мне спинкой, развернулось и явило нам капитана Рутгарта, невозмутимого и собранного, как будто он не был свидетелем утреннего инцидента. – После чего млад-

ший пилот наглядно объяснит вам особенности управления линкором, и вы под его руководством по очереди, в соответствии с графиком смен, будете участвовать в пилотировании кораблем на безопасных участках космической трассы. Это понятно?

Сдвоенный кивок был ответом капитану.

– Для начала. Пилотирование осуществляется только через непосредственное подключение к блокам управления. Для этого подойдет универсальный разъем, как у тебя, Брэн. Тэри, ты можешь использовать и универсальный, и рассчитанный для сверхскоростных шаттлов, панель управления имеет шины для обоих типов портов. – Капитан выдохнул.

Казенный язык приказов был краток, неформальный – краток и емко. Но вот читатель лекции двум стажерам оказалось для Рутгарта делом непривычным. Потому он сглотнул, собираясь с силами, и выдал очередную порцию канцелярита:

– Маршрут следования, разработанный навигаторами для этого полета, уже введен в систему. Так что вам нет необходимости его запоминать, но ознакомиться все же стоит. А вот основные характеристики систем линкора и нормаль всех параметров корабля вы должны знать, будь хоть при смерти. Даю сутки, чтобы их вспомнить. Или выучить, – пристальный взгляд на меня, – если вы их не знаете.

Я прожевала этот картон фраз, уловив главное: эти сутки

я буду зубрить до посинения.

Ну а откуда мне знать нормаль для линкора? Выпускников училищ готовили в рядовые пилоты. Мы должны были уметь управлять штурмовиками, но никак не целым кораблем. Вся надежда только на мою феноменальную память. Браен выглядел тоже слегка озадаченным: похоже, что и выпускники академии иногда сомневаются в глубине своих знаний.

После кратких наставлений капитана мы напрямую подключились к системе управления кораблем. В первый момент мне показалось, что я просто утону в потоке данных: показатели грависенсоров, силовых экранов, значения фаррад— и коркат-излучения за бортом, данные камер слежения, угол крена и сопловой тяги... Но постепенно я поняла некоторые закономерности поступающих величин. Да, сегодняшней ночью мне определенно будет не до сна.

По тому, как обрабатываются, перенаправляются, корректируются потоки данных, я отметила, что Браен, в отличие от меня, не только анализирует поступающую информацию, но и принял на себя часть функций по координированию систем линкора. Поняв, что без теоретической подготовки мне в управлении разобраться не удастся (это не болид, где поток данных хоть и стремительно меняется, но не столь большой), я отсоединилась.

Капитан уже ушел, и его место занял старший пилот. Мужчина средних лет, полноватый и слегка лысеющий, с щеткой усов и настроенный столь же радушно, как дверной

косяк, о который регулярно ударяешься головой, забыв пригнуться. Нацепив на лицо самую приветливую из улыбок, я приступила к расспросам пилота по интересующим меня моментам управления и обработки данных.

Браен все еще был в загрузке. В ходе беседы выяснилось, что Рорк (а именно так звали старшего пилота) неплохо умеет объяснять. Причиной же плохого настроения был идиот из соседней каюты, который своими воплями не дал пилоту сегодня нормально выспаться.

Рорк, поняв, что, как бы он ни хотел, не сможет за раз объяснить мне все, что нужно, скинул файлы на мой поляризационный браслет. На этом мы с ним и распрощались.

Я же прямой наводкой отправилась к себе. Читать, читать и запоминать.

После пяти часов чтения голова шла кругом. Это еще при том, что я не заучивала, а просто проглатывала текст, обращая особое внимание лишь на значения нормали!

Когда же цифры и буквы на экране слились в одно сплошное месиво, я плюнула. Нужен перерыв. Решила проветриться и познакомиться с адекватной частью корабля: механиками и техниками – такими же, как и я, выпускниками училища.

Спустившись на пару ярусов и поплутав по машинным отсекам, на подходе к ремонтному услышала:

- Моргулик, пузырь уже соплями зачумырился?
- Нет, шлепанный арас!

Не понимаю, почему офицеры старшего состава не переносят, когда механики используют свою матюгово-профессиональную лексику? Вот сейчас, из пары слов, было понятно, что рубка визуального наблюдения докладывает: «Один из космических истребителей в ионосфере Земли, на орбите которой мы пока находимся, выпустил топливный шланг, но стыковка с дозаправщиком не состоялась в силу объективных причин». О последних второй собеседник, кстати, выразил свою емкую и негативную точку зрения.

Обширный опыт общения с ребятами с механики кораблестроения, или коротко – мехкора, позволил мне не ударить в грязь лицом.

– Оптать, нухомудия!

Что в общеразговорной речи было эквивалентом: «Привет, ребята!» Механики слаженно обернулись на широко улыбающуюся меня.

– О, смотри, девчонка, да еще из офицерских, а разговаривает нормально... – Одобрительный голос необъятного мужика в засаленном комбинезоне был слышен во всем отсеке.

– А не ты ли та самая, из училища, что на гонках всех академиков уделала? – Не иначе как от удивления мужик перешел на общедоступный.

Пришлось кивнуть. Ремонтное радостно загудело. Здесь были и убеленные сединами механики, и совсем еще молодые ребята, затесалось даже две стажерки и дама того возраста, когда обращаться на «ты» воспитание уже не позво-

ляет, а на «вы»— оскорбительно для самой фрау.

К тому же компания подобралась пестрая, но бесхитростная и плевать хотевшая на «внешний вид по уставу»: волосы всевозможной длины, а у молодежи еще и выкрашенные во все цвета сияния ионосферы, у некоторых пирсинг и тату в самых неожиданных местах. Но объединяло всех одно: пятна мазута на рабочих комбинезонах.

Да, механики, хотя формально и должны выглядеть как военные, а следовательно, подчиняются правилам внешнего вида, на деле эти правила игнорировали. Начальство закрывало на подобную вольность глаза: попробуй поругайся с тем, от чьей работы зависит твоя жизнь в очередном вылете. Поэтому в плане внешнего вида ремонтников существовал некий нейтралитет. Во всем же остальном для выпускников мехкора исключений не было. Касалось это и давней неприязни между теми, кто закончил училище и зачастую являлся расходным материалом в военных столкновениях, и армейской элитой.

Поэтому если для командного состава я была выскочкой, которую либо ненавидели, либо презирали, то здесь, в родном ремонтном, были те, на кого я могла рассчитывать.

После дружеского приветствия мне тут же предложили выпить для закрепления знакомства. Эта традиция у ремонтников имела столь глубокие корни, что логическому объяснению не поддавалась.

Как-то еще в училище я спросила об этом одного из ре-

бят-техников, на что тот глубокомысленно изрек: «Рожденный ремонтировать не пить не может». Хотя у меня есть подозрение, что все куда прозаичнее: в уставе прописан строгий запрет на внос спиртного на борт судна, поэтому алкоголя в чистом виде на линкорах нет и быть не может. Тем не менее в любом ремонтном имеется заначка в виде чистойшей, как слеза, бутылки самого первоклассного спирта. Как получают сей продукт, остается полнейшей загадкой для командования (отважные попытки капитанов кораблей в свое время поймать неуловимых самогонщиков заслуживают отдельной оды о мужестве и отваге) и предметом гордости для всех механиков. Предложение же выпить – отдельный способ похвастаться смекалкой и находчивостью в обход командирского ока.

Отказавшись от угощения под благовидным предлогом (при этом нежно лелеемая усатым механиком бутылка мгновенно исчезла из моего поля зрения, как кредитка в руках умелого жулика), я разговорилась с ребятами. Узнав много нового, не всегда интересного и уж точно не уставного, убедилась, что мой ночной посетитель – та еще сволочь. Терпеть его не могли не только все рядовые, навигаторы и механики, но и половина офицерского состава. Откомандированный на «Элколай» пару галактических месяцев назад, он успел насолить многим и, похоже, метил на место помощника пилота, но тут прислали нас с Браеном. Хм... а блондина эта ныне лысая жертва косметической промышленности тоже по-

сещала или я одна такая популярная?

– Девонька, как же тебя угораздило в пилотное-то поступить? Что, до немочи летчицей стать захотелось? – меж тем вопрошал тот самый механик с зычным голосом, которому и рупора не надо.

– Не захотелось, приказали, после того как порты имплантировали. – Думаю, скрывать наличие джейтишек смысла нет, раз об этом уже полкорабля перешептывается.

– Эк... и сколько тебе тогда было, когда тебе эти штуки врезали? – продолжал допытываться механик.

– Около девяти. – И чтобы замять тему, перевела разговор на другое: – Капитан об этом тоже спрашивал. Кстати, а он вроде ничего мужик.

Механики одобрительно заухмылялись. Что ж, это многое значит, если командир сумел добиться не подчинения по уставу, а уважения. Разговор переключился на промывание косточек начальству. Я шутила, смеялась, но внутри точил червячок. Все эти разговоры о джейтишках и о том, как они у меня появились, разбредили старый сундук воспоминаний. Я ловила себя на том, что ухо пытается различить визг давно отзвучавшей сирены. Тот бег по коридорам, когда мы с отцом мчались на шаттл. Но муторнее всего было от одной картинки, что навсегда засела в мозгу: улыбающееся лицо папы за смыкающимися створками люка.

Интересно, кем бы и где я была, сложишься все иначе? Не попади мама в ту аварию, мы бы остались на Вилерне. Не под-

пиши отец тот договор, не уехали бы на базу. У меня могла бы быть счастливая, полная семья, может, даже братик или сестричка. И бабушка, которой я ни разу не видела, возможно, смирилась бы с выбором своей дочери, против ее воли вышедшей замуж за отца.

Да, я в курсе, что где-то во Вселенной есть человек, часть хромосомного набора которого я унаследовала. Но бабушка не пожелала знать меня в первые девять лет моей жизни, а после атаки на базу, когда все данные были уничтожены, я сама предпочла не вспоминать о ней. Моей семьей стали Прит и ее родители. Подруга заменила мне сестру. С ней я делилась своими переживаниями и искала поддержки. Ее семья приняла меня тепло, и две недели каникул в году я проводила в их доме.

В чем-то судьба все же мне улыбнулась, подарив встречу с Прит. Но иногда, в такие моменты, как этот, я думала – а как бы выстроилась моя жизнь, случись все иначе? Сейчас я бы уж точно не сидела в ремонтном с засученными по локоть рукавами рашгарда.

Может быть, защищала бы диплом в медицинском. Ведь для того чтобы быть врачом, у меня достаточно главного – цинизма. Может, работала бы менеджером где-нибудь или...

Бегала бы с подружками на субботние танцы и мечтала, как и все девчонки, стать возлюбленной одного из выпускников академии – молодых, красивых и смелых. Украдкой смотрела бы трансляции гонок (ибо добропорядочной де-

вушке это не пристало делать в открытую). Или вдруг... была бы фанаткой какого-нибудь певца, актера, чемпиона, того же Браена... От последней мысли даже помотала головой. Все же с блондином – это я лишнегохватила. Его поклонницей я уж точно бы не стала – самодовольные мачо меня никогда не привлекали.

Пока я витала в облаках, в ремонтном уже всюю обсуждали новую прическу естествоиспытателя вилернского крема. Механики состязались в остроумии, придумывая все новые и новые прозвища от «волосатого выкуся» до «пыльдозера». Ну да, чем-то этот лысик теперь напоминал гладкую металлическую полусферу на колесиках, которая убирала в отсеках мусор.

Настроение поднялось, но как бы мне ни хотелось остаться подольше, большая часть файлов еще не перекечевала с инфоносителя в нейроны моего мозга. Тепло простившись с ребятами, я потопала к себе в каюту, чтобы провести ночь за увлекательнейшим занятием – ознакомлением со строением грависенсоров линкора.

Утро встретило сигналом побудки и мутантом, пережившим атомную бомбежку, в отражении зеркала. Мои опухшие глаза с красными прожилками и помятое лицо – вот награда за бессонную ночь. Но, несмотря на такой, далеко не блестящий вид, в голове отложилось практически все из прочитанного.

Как и вчера, на мостике нас ждал капитан Рутгарт, на этот

раз я опять пришла первой. Спустя пару минут вслед за мной вошел и Браен. Сознание радостно отметило, что блондинус тоже не блистал лоском.

– Итак, приступим к нашему небольшому экзамену. – Рутгарт радостно потер руки. – Начну с вас, Браен. Подключайтесь.

Не дожидаясь ответа, капитан подсоединился ко второму разъему. У Рутгарта, как и у блондинообразного гада, тоже был только универсальный JT. Браен сел в кресло и последовал примеру капитана.

Потянулись тягостные минуты ожидания. Чтобы чем-то их заполнить, я принялась рассматривать маршрут, составленный навигаторами. На пути следования пространственных воронок было всего две. Это и понятно: разогнать такую махину, как наш линкор, для входа в воронку у новичка вроде меня вряд ли сразу получится. Зато проложенный трек настолько извилист, что придется постоянно выравнять крен, да еще и близость с орбитами трех планет настораживала. Я все разглядывала карту, пытаюсь понять, что меня смущает. Догадалась спустя минут десять: маршрут был не опасен, но достаточно сложен в пилотировании. Для автоматического управления я бы выбрала в нескольких местах совершенно другую траекторию. Тут мне вспомнились задачки, которые мы решали на пару с Прит, когда ей задавали что-то зубодробительное по навигации. Подобные трассы по принципу «набить руку пилоту» им приходилось составлять

регулярно.

Конечной точкой маршрута линкора значилась Вилерна. Из всего этого вывод напрашивался один – между воронками пилотирование кораблем доверят стажерам. Надеюсь, что это будет происходить под неусыпным оком помощника капитана – Рорка. Все-таки я не столь уверена в своих силах.

Наконец капитан и Браен отсоединились, и Рутгарт резюмировал:

– А ты неплохо справился. Ведешь уверенно и точно. Скорость обработки данных тоже на уровне. Вот только чаще обращай внимание на данные системы жизнеобеспечения – температуру на два градуса в медотсеке поднял. Пилотировал когда-нибудь до этого?

– Только на симуляторе, – сухой голос Браена выдавал усталость после напряженной работы.

– Теперь свободен, завтра заступаешь на смену в шесть тридцать утра по галактическому времени. Пилотирование будешь осуществлять под контролем старшего пилота линкора майора Рорка. Это все.

Дранго коротко кивнул и вышел.

– Теперь твоя очередь. – Рутгарт вроде как засомневался, но потом, кивнув своим мыслям, вновь подключился к ядру.

Мне не оставалось ничего иного, как сделать то же самое.

Казалось, прошла вечность, прежде чем закончился этот изнуряющий экзамен. Пришлось, помимо пилотирования (благо схема навигационного маршрута хорошо запомни-

лась), постоянно держать под контролем и корректировать целый поток данных. В этом и недостаток, и преимущество JT-портов: ты не только задаешь и правишь курс корабля. Нет. Ты сразу контролируешь и внешние щиты, и гравитационные системы, оружие... Поэтому за одну секунду успеваешь выполнить сразу несколько команд. А это, в свою очередь, в разы повышало маневренность судна.

– Достаточно. До первой воронки остался только разгонный путь. Выходи.

Мне странно было получить приказ, отданный через порт: ни голоса, ни изображения, лишь словно сама собой оформившаяся в голове мысль, не имеющая никакой эмоциональной окраски. Просто я каким-то седьмым чувством точно знала: эта мысль не принадлежит мне. Она пришла извне.

Когда я отключилась, первое, что увидела, – недоуменное лицо пилота.

– Скажи, в училищах ввели дополнительный курс пилотирования крупногабаритными кораблями? Или ты самостоятельно готовилась?

– Нет. – Я была озадачена данным вопросом. – Только вчера прочитала все материалы, которые вы мне дали.

– И ты все запомнила?

– Ну да. – Я ощутила на себе все прелести дежавю.

Сегодняшний разговор почти слово в слово напоминал целую серию бесед, случившихся лет десять назад. Тогда я только начала учиться в летном.

Менханаф, как и другие преподаватели, не верил, что я могу все запомнить с первого раза. Если, конечно, при этом я внимательно слушала, а не отвлекалась на то, как полочное запустить шариком из пластика во вредящего одноклассника. Педагоги пытались поймать меня на списывании. Что только тот же Менханаф не делал для этого: заглядывал в уши, ища микрофон; просил умыться (а вдруг линза с микроэкраном на одном глазу?); искал кусочки пластика, что, растягиваясь в несколько раз, превращались в лист, испещренный формулами; просил снять браслет (на случай, если я незаметно открываю экран и списываю сразу с электронной книги). Один раз как-то потребовал показать руки. Долго недоумевала, зачем, но потом бдительный преподаватель пояснил, что это один из архаичных способов списывания, который практиковали наши далекие предки. На мой закономерный вопрос о том, откуда он известен именно ему, преподаватель отчего-то закашлялся.

В результате всех проверок преподавательский состав дружно плюнул на меня, решив, что в семье не без мутанта, в смысле – в училище не без ненормального кадета, и экзекуции прекратились.

– Хм... У тебя в досье стоит пометка «незаурядная память», но я не думал, что настолько незаурядная.

Усмехнулась про себя. Ну вот и Рутгарт проходит привычные стадии. Первая: «Не может быть!»; вторая: «Не верю (т. е. быть может, но меня в этом не убедишь)»; третья: «А

может, все-таки...»; четвертая: «Ладно, уговорили»; пятая: «Верю безоговорочно». Кстати, до последней дошла лишь Прит, и то после моих рассказов об отце. Тогда подруга прониклась, убедившись, что гены пальцем не раздавишь и мне есть в кого быть ненормальной.

Меж тем напряженная работа мысли отражалась на лице капитана. Наконец носогубная складка разгладилась, ознаменовав окончание трудовой деятельности мозга.

– Что ж, ты меня порадовала. Выучить весь курс за одну ночь – признаться, такое я вижу впервые. Приступаешь завтра к пилотированию с двенадцати тридцати по галактическому времени, сменишь Браена.

Так и потекли сутки моей стажировки на «Элколае»: шесть часов пилотирования, завтраки-обеда-ужины, восстанавливающий сон. После JT-соединений ужасно болела голова. Искренне надеялась, что это просто с непривычки. Верить в то, что мигрень – это супербонус от использования порта, не хотелось. Свободное время сжиралось чтением того, что необходимо знать. Оказалось, что нам не преподавали прорву всего, что мне нужно знать позарез. Чтобы не свихнуться, я выбиралась в спортзал.

С Браеном мы практически не виделись, исключая пару минут, пока он передавал управление. Я как-то спросила Рорка, всегда ли так тихо и спокойно? На что старший пилот ответил, что этот полет – мирный, можно даже сказать, дружественный.

Ну да, куда уж дружественней – ввалиться в атмосферу Вилерны, а затем и привилерниться в количестве одной штуки – линкор боевой модифицированный, укомплектованный тремя тысячами военных. Так или иначе, но атаковать нас никто не пытался, да и маршрут проходил на относительно безопасном участке космоса, где из всех неожиданностей можно было наткнуться лишь на космических пиратов. Но те дураками не были и на отдельных кораблях нападать на здоровенную военную махину Союза не спешили.

Ближе к окончанию полета нас с Браеном обоих вызвали в рубку. Осуществлять посадку не доверили, но все тонкости дипломатических матерков при приземлении на дружественный космодром я усвоила.

Обращения обоих пилотов на всеобщем галактическом непечатном произносились, разумеется, не в эфир, а исключительно себе под нос, чтобы отвести душу, потому как общительность диспетчеров космопорта иногда напоминала монолог партизана на допросе. Браен, хоть и был в курсе особенностей вилернийских посадок, нет-нет да и стриг ушами, тоже запоминая неизвестные досель обороты речи.

Наконец линкор плавно опустился на не враждебно, но и не шибко дружественную поверхность планеты, бывшей когда-то мне родной.

После посадки капитан Рутгарт объявил, что завтра треть экипажа получит увольнительные на сутки. Когда я узнала, что к этой счастливой когорте относятся также стажеры, ра-

дось от привилернивания заметно возросла.

Глава 3

Вилернское гостеприимство

*Судьбы над нами, путь под ногами,
Встречи и тайны все дальше манят,
Жизни игральные выпадут кости,
Враг или друг неожиданный – к вам в гости?
Пешки разменные станут угрозой,
Шут, балагур – в одночасье серьезным.
Все поменяется, если однажды
Совесть и честь в выборе важном
Встанут над разумом, логикой, проком...
Все поменяет жизни дорогу!*

Тэри Ли

Вилернское гостеприимство не знает ни границ, ни ширины, ни глубины, ни совести... В общем, ничего оно не знает, поскольку как таковое отсутствует на корню. Узнаю родную планету.

Вообще-то Вилерна – колония второго типа: первоначально эту планету открыли иллийцы, но активно осваивать по каким-то причинам не стали. Спустя некоторое время выходцы с Земли, обремененной проблемой перенаселенности, переоткрыли и начали активно эксплуатировать эту terra incognita. Разгорелся небольшой скандал, результатом кото-

рого стало разделение планеты на два лагеря, аккуратно по числу материков – Лирона и Эрнеи, на каждом из которых обосновалась одна из рас. Время шло, и постепенно на обоих участках суши стали жить вместе и иллийцы, и люди.

Иллийцы – раса, похожая на *homo sapiens*, вот только выше – средний рост около двух метров, кожа смуглая, волосы у мужчин длинные и жесткие, слегка закрывающие основание шипастого гребня, который лично мне напоминал ирокез.

Этот самый гребень начинается ото лба и заканчивается у шеи. Шевелюра у иллийцев темная, почти черная, с синим, красным или зеленым отливом. Мужчины часто заплетают волосы в три косы, концы которых традиционно скреплены вместе. Иллийки не уступают ростом своим мужчинам, однако волосы у них, наоборот, практически белые и гребня нет, лишь небольшая радиальная хрящевидная раковинка, кокетливым хохолком венчающая затылок.

На представительниц прекрасного пола веяния моды оказали гораздо более сильное влияние, нежели культурные традиции. Потому исконная женская прическа – жгут из волос, спиралью обвивающий раковинку, – ныне практически не встречается, уступив место новомодным стрижкам. Помимо цвета шевелюры, различен и пигментный рисунок, вязью проступающий на скулах, шее и груди: у иллийцев он цвета охры, обильно покрывает кожу и не меняется в течение всей жизни. У иллиек же такое «природное тату» выражено

гораздо слабее и после родов способно к модификации.

Но одно объединяет всех иллийцев – это безэмоциональность, она же немногословность, порой граничащая с хамством. Ну и пятьдесят две пары хромосом – тоже, так сказать, отличительная черта этой расы. Кстати, геномная особенность – маленький, но непреодолимый, как цианид для печени, барьер. Он-то в свое время и помешал матримониальным планам одной из иллийских владычиц, вознамерившейся отдать своего сына за дочь одного из видных политиков Союза. Так что, хоть земляне и иллийцы являлись гуманоидами, метисов на Вилерне не было и быть не могло.

Получив увольнительную и не имея никаких особых предписаний относительно формы одежды, я влезла в джинсы, водолазку и удобные кроссовки. Данная пара обуви участвовала в немалом количестве забегов от очередных неприятностей, поэтому была мне дорога, несмотря на, мягко говоря, весьма потасканный вид.

Сойдя с корабля, отправилась без особой цели бродить по Тирике – наукограду на побережье Эрнеи, где и располагался столь радушно встретивший нас космопорт. По велению судьбы именно в этом городке я провела первые девять лет своей жизни. Уже на выходе с посадочной площадки на меня налетел высокий мужчина в шлеме, из-за чего мы оба упали. Шлемоносец не преминул вспомнить анатомию, упирая в основном на детородные органы. «Точно не иллиец, тот бы скорее выдал цитату из свода правил дорожной безопасно-

сти», – на автомате отметила я.

Короткая, но отнюдь не лестная характеристика меня любимой от выговорившегося тем временем мужика, обожгла обидой и желанием немедленно ответить. В мозгу мелькнула мысль, что переход на мат – это уподобление обидчику. Поэтому, встав и отряхнув колени, выдала: «Вроде бы вы не блеете и не бодаетесь, но определенное сходство с гимнастическим снарядом все же имеете». После чего, гордо (во всяком случае, хотелось на это надеяться) вскинула голову и пошла дальше, оставив мужика осмысливать сказанное.

Приближался полдень, на небе малый спутник Вилерны сменил на посту своего старшего собрата и был едва заметен в голубизне озона. Местное светило не испепеляло своим зноем, а лишь согревало, даря ощущение уюта и спокойствия. Здесь, в отличие от Земли, города еще не слились в агломерации, в которых царствовали лишь асфальт, бетон и пластик.

В Тирике были скверы и парки, в которых растительность радовала глаз буйством красок. Цвета, правда, варьировались от терракотовой листвы генно-модифицированных кленов до привычной зелени сосен, но это уже детали. Под пологом деревьев от порывов ветра могли синхронно качаться лесные колокольчики и подсолнухи, а раффлезия рядом – источать аромат слегка подгнившего мяса.

К слову, об этой самой раффлезии я узнала много интересного, пока сидела на скамейке и отдыхала после прогул-

ки по научному городку. Рядом с местом, где я устроилась, чтобы вытянуть уставшие ноги, была воткнута табличка. Она поясняла, что «ароматный» интродуцент парку подарил какой-то шутник. Презент чувствовал себя привольно, разросшись до метра в диаметре.

Да, иногда дары дорогих гостей хуже плазмогранаты, чистосердечно кинутой в тебя врагом. От нее хотя бы попытаться уклониться можно. А подарок – вот он, благоухает. Ни передарить, ни выкинуть нельзя. Оттого тенелюбивое растение посадили аккурат посреди газона и не поливали, судя по выгоревшему кружку дерна вокруг. Наверняка работники парка грезили о том дне, когда бедная раффлезия наконец издохнет, не выдержав тягот сурового вилернского климата. Но уроженка тропиков назло всем недругам цвела и ни на что не жаловалась.

Наблюдая идиллическую картину игры малышни недалеко от скамейки, где расположилась мое брэнное тело, я дожевывала жутко вредные и архаичные, но удивительно вкусные пирожки с капустой. Запах от «цветочка» ничуть не перебивал аппетит, благо моя сторона оказалась наветренной.

Пирожки – это моя слабость и ностальгия по детству: ни на базе, где работал отец, ни в училище, ни на Земле их не пекли. То ли считали слишком вредными, то ли изготовление этой вкуснотени было трудоемким, то ли для начинки требовались именно продукты, а не синтезированные смеси... В общем, не везло мне с пирожками.

Поэтому сейчас я наслаждалась своей маленькой гастрономической вакханалией. Вот только душевное равновесие портила нотка грусти. словно если бы я читала старый дневник погибшего офицера: переживания давно минувших дней уже не будоражат, но заставляют помнить.

Меланхолию смело в момент, когда крутой аэрокар резко притормозил на противоположенной стороне дороги. Резвые молодцы вытащили из него отчаянно кричащую и упирающуюся женщину. Ее вопль и привлек мое внимание. Впрочем, долго голосить ей не дали, заткнув чем-то рот. очевидцы (а это в основном мамочки с детьми да одна пожилая пара) предпочли не заметить случившегося. Оно и понятно: что может противопоставить женщина, гуляющая с ребенком, трем здоровым лбам? Тут свое бы чадо уберечь. Разве что вызов в органы правопорядка отправить. Одна из мамулк как раз решила проявить сознательность и поднесла браслет к губам, диктуя адрес диспетчеру.

Я оценивала: вмешаться или не стоит? Это только в кино смелые и сильные сразу мчатся на помощь всем, кто в ней нуждается (или даже не нуждается). В жизни, если не хочешь свести с ней же счеты в ближайшее время, стоит сначала хотя бы оценить свои шансы. А они у меня вполне неплохие: выйти из сватки целой, но слегка вредимой.

Альтернативный вариант – не вмешиваться в естественный природный процесс, именуемый борьбой за существование. Все это промелькнуло в мозгу за какой-то миг, и ци-

низм уступил место альтруизму (читай дурости), как вдруг распахнувшаяся пола халата открыла взору характерно выпирающий, круглый живот женщины. Беременная, и, похоже, доживает последние дни.

Сорвавшись с места, в два прыжка пересекла полосу газона и условную оградку парка. Взяв небольшой разгон, буквально взлетала на капот кара, с которого и прыгнула вперед, целя пяткой в третий шейный позвонок одного из так удачно повернувшихся ко мне спиной громил. От удара тело похитителя повалилось вперед (надеюсь, уже в бессознательном состоянии). Я же отлетела вбок. Не успев толком сгруппироваться, ощутимо ссадила локоть. Эффект неожиданности исчерпал себя, и со вторым пришлось разбираться уже тет-а-тет, в то время как третий целенаправленно тащил свою жертву к дверям ближайшего дома.

Ухмылка в тридцать два титановых зуба свидетельствовала о том, что передо мной любитель контактного боя, не раз получавший хук в челюсть, и судя по буграм мышц, дававший за это нешуточной сдачи. Мелькнула мысль: прямые удары этого здоровяка я просто не смогу заблокировать – силенок не хватит. Вариант убежать, малодушно скользнувший в сознании, откинула как бесперспективный.

Не вставая, стремительно перекатилась под аэрокаром. Вынырнув с противоположенной стороны, приняла вертикальное положение. Здоровяк обогнул бампер машины. Приближаясь, он попытался схватить меня за грудки. При-

гнувшись и уходя от захвата, я со всей силы нанесла удар ногой по коленной чашечке бугая и почти одновременно с этим врезала ладонями, сложенными лодочкой, по ушам противника, вызывая тем самым перепад давления в среднем ухе.

Барабанные перепонки не выдержали, и из ушей здоровяка потекли тонкие струйки крови. Частично дезориентированный мужик припал на одно колено и попытался достать меня апперкотом. Не получилось. Его смазанный удар пришелся по моему наспех выставленному кривому блоку. Хотя даже так ощутимо досталось – в плечо словно вонзился раскаленный добела железный прут. Вдруг подумалось: и так больно и трудно жить на свете, а когда поступаешь по совести – это становится практически невыносимо.

Пока я приходила в себя, противник не терял времени даром и, очумело мотая башкой, попытался добить невесть откуда свалившуюся пигалицу.

Боковой удар, придись он по мне, отбил бы правую почку напрочь, не успею я в последний момент уклониться. Да, занятия по рукопашному бою в училище – это хорошо, но нас готовили как пилотов, а не как десантников. Я явно уступала врагу. Но раз ввязалась в драку, надо побеждать, иначе зачем было вообще начинать? Ощутить себя отбивной всегда успеется.

Резко присев и проведя подсечку, мне все же удалось завалить этого здоровяка, в момент падения так аккуратно впечатавшегося затылком о крыло кара.

«Отключился, но ненадолго», – отстраненно констатировало сознание.

Чувствуя, что безнадежно опаздываю, я подорвалась и, хромая, побежала вслед за последним из похитителей. Каково же было мое удивление, когда у фонарного столба я увидела беременную жертву, поддерживаемую за плечи Браеном! У ног парочки валялся в отключке последний из бандитов. Причина молниеносной победы блондина смущенно пряталась за пряжкой ремня, поставленная на предохранитель и прикрываемая от посторонних глаз полой куртки.

Сил хватило лишь на то, чтобы облегченно выдохнуть. Слегка придя в себя, поинтересовалась:

– Как ты сумел пронести табельный бластер с корабля? – Вопрос, конечно, в свете последних событий не самый актуальный, но взыгравшее любопытство было не удержать.

– Это мой личный, – ухмыльнулся красавчик.

– И что, помочь трудно было? – Вот теперь, когда знаю, что имелся шанс не расшибаться в лепешку (в прямом смысле этого слова), стало обидно.

– Было занятно посмотреть, как ты изображаешь мартышку с плазмогранатой, – радушно заявил этот паразит.

Нет, в глубине души я ему все же благодарна за то, что помог отбить эту несчастную у похитителей. Но это очень глубоко.

Беременяшка же, пока мы с Браеном мило собачились, как-то подозрительно сжалась и часто задышала, а под нога-

ми у нее быстро начала образовываться лужа.

Судя по недоуменному лицу парня, он решил, что это у дамочки со страху, и деликатно отвел глаза. У меня же закрались подозрения. Посмотрела в глаза будущей мамочке. Зрачки расширены от боли. Попыталась достучаться до ее сознания:

– Какой срок? Когда должны быть роды?

– Начались, – это единственное, что смогла выдавить из себя несчастная, пока ее не скрутила новая схватка.

Стремительно начавшиеся роды испугали и Браена, и меня гораздо больше, чем предыдущая драка. Я попыталась вспомнить все, что знала о родовспоможении.

Давно, еще в детстве, я приставала к родителям с вопросом, откуда берутся дети. Мама, оберегая нежную детскую психику, рассказывала байки о покупке в магазине и доставке на почтовом фляере. Но как-то раз мое любопытство, требующее более подробной версии прихода в этот мир, заставило обратиться с этим же вопросом к папе.

Отец был человеком от науки и считал, что сказки только мешают детям объективно мыслить. Папа решил просветить меня. Результатом стал просмотр научно-популярного фильма, в котором главный герой проходит сложный путь от сперматозоида до половозрелого мужчины. На меня, шестилетнюю, этот сеанс произвел неизгладимое впечатление. На папу тоже, когда мама узнала о воспитательной методике дражайшего супруга.

Основное, что я запомнила: роды – не пятиминутный процесс, и мы вполне можем успеть доехать до больницы. О чем немедленно сообщила Браену. Блондинистый академик, к его чести, не растерялся, а передав мне на попечение уже не беременную, а рожаящую дамочку, побежал к аэрокару, по пути обшарив неудавшихся грабителей на предмет чип-ключа.

Заведя машину, он плавно притормозил рядом с нами, помог загрузиться поминутно стонущей беременяшке на заднее сиденье и открыл навигатор, выискивая место расположения ближайшей больницы. Крики роженицы мешали сосредоточиться, только наводя панику.

– Дышите, мамочка, дышите глубоко, – стараясь говорить как можно ласковее, увещевала я. – Вам самой сейчас воздуха не хватает, а ребенку еще тяжелее. Незачем попусту тратить кислород еще и на крики, – говорила, практически не задумываясь, лишь бы мамаша замолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.